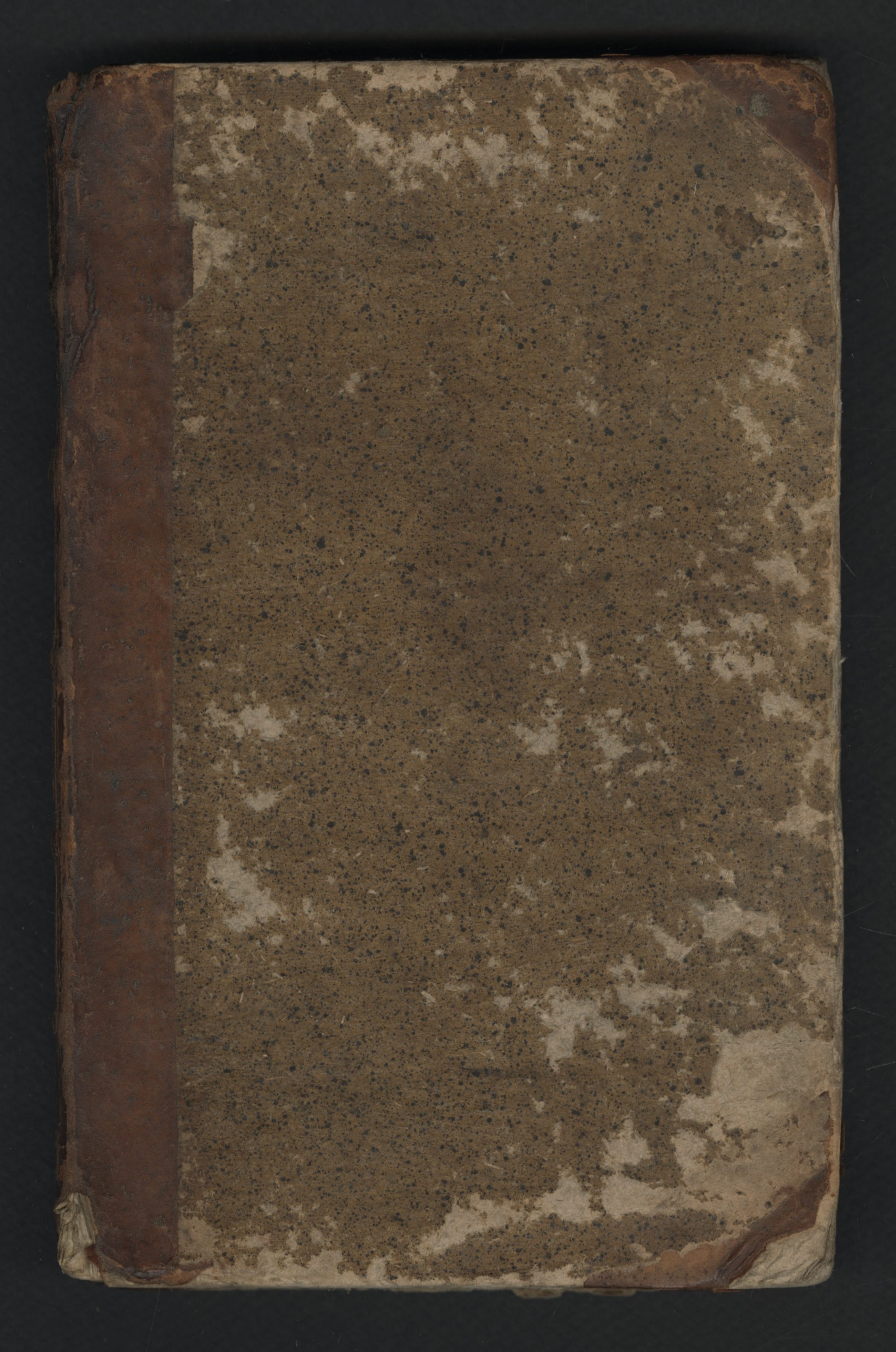

ГОРЯЧАЯ ЛЮБОВЬ ДВУХЪ СЕСТРЪ

КОМЕДІЯ

ВЪ

ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

сочиненія г. Геллерта.

перевелъ

СТЕПАНЪ ПОРУЧКИНЪ.

Цѣна 30 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи наукъ

1775 года.

Дѣйствующія лица.

КЛЕОНЪ,

МАГИСТЕРЪ, братъ ево,

ШАРЛОТТА, Клеонова старшая дочь,

ЮЛІЯ, меньшая его дочь,

СИГИЗМУНДЪ, женихъ Шарлоттинъ.

ДАМИСЪ, женихъ Юліинъ,

СИМОНЪ, Дамисовъ опекунъ,

ДѢЙТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

КЕОНЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Батюшка сударь, господинЪ ДамисЪ дѣсь, и чай уже вЪ саду, изволь-те туда итти.

КЛЕОНЪ.

ГдѢ Дамис?

ШАРЛОТТА.

ОнЪразговариваетЪ сЪ сестрицею.

КЛЕОНЪ.

Неротивно ли тебѢ, дочка, что я позвалЪ кЪсебѢ г. Дамиса на чашку чаю? ты вить знешЪ ево намѢреніе. Не оно ли тебя смущаетъ? Жалка ты мнѢ, любезная дочь Ты вить постарѢ сестры своей, такЪ должнобЪ тебѢ прежде вытти и замужЪ, но . . . .

ШАРЛОТТА.

Что вамъ, батюшка, обо мнѣ сожалѣть? Развѣ мнѣ неотмѣнно прежде сестрицы замужъ выттти должно. Правда, что я ея старше, но она гораздо меня пригоже. А господинъ Дамисъ человѣкъ разумной, богатой и щоголь, беретъ же не богатую, такъ по справедливости долженъ выбирать такую, которая много прелестей имѣетъ. А я и то почту за честь, что буду веселиться благополучною ея судьбою и буду довольна своею участью.

КЛЕОНЪ.

Ну! дочь, если это твоя правда, такъ ты стоишъ и двухъ жениховъ. Ты хотя и не учена; однако говоришъ такъ же почти разумно, какъ и братъ мой.

ШАРЛОТТА.

Пожалуйте не выхваляйте меня, батюшка. Я такъ мало сама о себѣ думаю, что весьма легко и отеческую похвалу сочту за ласкательство.

КЛЕОНЪ.

Нѣтъ дочь моя, я лутче знаю, какова ты. Ты имѣешъ такое сердце, какоебъ имѣть и самая добродѣтель не постыдилась, послушайка . . .

ШАРЛОТТА.

Ахъ, батюшка, сколько вы меня стыдите, для меня похвала, которой я не достойна, огорчительнѣе и самаго выговора.

КЛЕОНЪ.

А я не такъ думаю. Я справедливую похвалу за велико почитаю, и ни когда отъ нея не отказываюсь, если только достоинъ. Похвала есть награда за добродѣтель, а достойную награду принимать должно. Послушайка, ты по умнѣе сестры своей, хотя она и пригоже тебя. Поговорика ей, чтобъ она перестала упрямиться, и согласилася бы выттти за господина Дамиса, пока я, какъ отецъ не употребилъ еще своей власти. Не знаю, кто такія пустыя мысли о вольности вперилъ ей въ голову.

ШАРЛОТТА.

Мнѣ кажется, что господинъ Дамисъ ей не противенъ И я уповаю, что онъ легко не большое ето ея упрямство перемѣнитъ, въ постоянную любовь. Въ етомъ я сама ему пособлю.

КЛЕОНЪ.

Такъ постарайся же любезная моя дочь. Скажи сестрѣ своей, что я не умру спокойно, пока ее при жизни своей не пристрою.

ШАРЛОТТА.

Нѣтъ, батюшка, такія средства уговаривать къ замужству стоятъ принужденія.

 Она

Она сама довольно имѣетъ причинъ въ своемъ сердцѣ, и въ достоинствѣ своего жениха, которыя къ любви склонить ее могутъ. Ими переломимъ мы ея упрямство, и съ господиномъ Дамисомъ къ етому ее склонимъ.

КЛЕОНЪ.

Дѣлай, любезная дочь, какъ хочешъ, только пожалуй не долго думай. Хвали господина Дамиса, скажи сестрѣ, что онъ имѣетъ пятьдесятъ тысячь талеровъ наличныхъ денегъ, и . . . . можетъ быть тебѣ и досадно бѣднинкая, что сестра твоя за богатаго выходитъ. Да чтожъ дѣлать. Ты правду сказать не великая красавица; однако будешъ еще на свѣтѣ благополучна, не печалься.

ШАРЛОТТА.

Истинно о томъ только я печалюсь, что вы во мнѣ полагаете душу столь подлую, будтобъ она не желала благополучія сестрѣ своей. Къ чему тутъ добродѣтели, гдѣ уже кровь сама вступается. Изволте батюшка итти, чтобъ чай не простылъ.

КЛЕОНЪ.

Ты съ умыслу меня отсюда вызываешъ, поелику тебѣ чувствительно. Не печалься, любезная дочь. За тобою конечно приданова не будетъ, однако я по гробъ мой ни чево для тебя щадить не буду. Прими къ себѣ опять

учи-

учителя языковъ, рисовальщика и клавирщика. Я заплачу за все, хотя мнѣ бы въ мѣсяцъ пятьдесятъ талеровъ стоило. Ты етова достойна. Послушай дочь, господинъ Сигизмундъ, вѣрный другъ твой, или, ежели тебѣ то милѣе, твой возлюбленный, хотя лишился имѣнія своего чрезъ несчастливую тяжбу послѣ покойнова отца своего, но онъ витъ человѣкъ въ наукахъ не неискусной, такъ конечно можетъ самъ жить благополучно, и тебя счастливою сдѣлаетъ.

ШАРЛОТТА.

Ахъ любезный батюшка! господинъ Сигизмундъ и теперь столькожъ мнѣ милъ, сколько былъ любезенъ за годъ предъ симъ съ великимъ ево богатствомъ. Я знаю, что любовь наша вамъ непротивна. Я буду стараться быть достойною женою, а онъ будетъ имѣть попеченіе о моемъ спокойствіи. Я въ немъ и теперь вижу столь много преимуществъ, что онъ ни какой невѣрности отъ меня ожидать не можетъ, хотя бы я еще десять лѣтъ за нево не вышла. Если прозьба моя вамъ непротивна батюшка, такъ пригласите ево северодни съ нами отобѣдать.

КЛЕОНЪ.

И ты, любезная дочь, думаешъ, чтобъ я не позвалъ его для твоего удовольствія. Онъ скоро сюда будетъ.

(*Сигизмундъ входитъ, но Шарлотта ево не видитъ.*)

ШАРЛОТТА.

Если только слуга застанетъ ево дома. Я сама напишу къ нему нѣсколько строкъ. Большей радости для насъ обоихъ быть не можетъ. Онъ вѣрно придетъ и приметъ великое участїе въ благополучїи сестрицы. Онъ имѣетъ самое честное и нѣжное сердце, только прошу меня извинить, что я такъ много объ немъ говорю.

КЛЕОНЪ.

Такъ ты столь ево сердечно любишъ?

ШАРЛОТТА.

Конечно такъ батюшка. Онъ мнѣ столько милъ, что, еслибъ на мою волю отдали выборъ, за нево ли вытти въ бѣдномъ ево состоянїи, или за самаго знатнаго съ великимъ достаткомъ; такъ бы я ево ни когда на другова не промѣняла.

КЛЕОНЪ.

Возможно ли сему статься. Не думалъ я, чтобъ ты въ нево такъ влюблена была.

ШАРЛОТТА.

Не влюблена, батюшка, но нѣжностїю къ нему наполнена. Я бы не могла быть спокойна, еслибъ не любила его съ такою нѣжностїю; поелику симъ однимъ могу я награ-

градить ево за ту отмѣнную благосклонность, которую онъ мнѣ предъ многими женскаго пола особами показалъ. Извольте батюшка подумать, я во перьвыхъ не красавица, во вторыхъ не богата, да и другихъ ни какихъ не имѣю преимуществъ, кромѣ одной моей невинности; однако онъ меня такъ любитъ, какъ бутто достойнѣйшей меня на свѣтѣ нѣтъ.

КЛЕОНЪ.

Да признавалась ли ты ему сама, что ты столько горячо ево любишъ!

ШАРЛОТТА.

Нѣтъ, съ такою откровенностію я съ нимъ ни когда еще не говаривала. А онъ столько скроменъ, что не требуетъ отъ меня ни какого въ любви признанія. Я тысячу кратъ желала, чтобъ онъ принудилъ меня изъяснить ему любовь мою, которой онъ весьма достоинъ.

КЛЕОНЪ.

Скоро желаніе твое исполнится самымъ дѣломъ. Оглянись назадъ, любезная дочь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

КЛЕОНЪ, ШАРЛОТТА, СИГИЗМУНДЪ.

ШАРЛОТТА.

Ахъ! такъ вы всю слышали, что я говорила.

СИГИЗМУНДЪ.

Извините меня сударыня. Я въ жизни моей ни чево похвальнѣе для меня не слыхалъ. Я чрезвычайно етому радъ, и не знаю, чѣмъ дерзость мою извинить могу, кромѣ одной любви.

ШАРЛОТТА.

Лучшей предстательницы не могли бы вы найти. Не ужъ ли вы всю слышали? Я не вѣдала, что вы здѣсь, и по тому откровеннѣе говорила. Но когда я такой проступокъ сдѣлала по побужденію къ тому отъ батюшки, такъ погрѣшила въ томъ сама собою добровольно. Я васъ люблю, довольны ли вы такимъ безстыднымъ признаніемъ?

СИГИЗМУНДЪ.

Изумленіе мое, сударыня, доказываетъ вамъ чувствительность моего сердца. Вы меня любите? Въ етомъ признаетесь вы предъ вашимъ батюшкою? Вы? любезная Шарлотта! достоинъ ли я етова? что мнѣ вамъ теперь отвѣчать? и какъ? О дайте мнѣ времени опомниться.

КЛЕОНЪ.

Вы въ великомъ изумленіи, господинъ Сигизмундъ. Конечно присудствіе мое дѣлаетъ вамъ помѣшательство. Такъ оставайтесь же любезныя дѣти, и старайтесь объ Юліи. Я пойду поговорю еще съ господиномъ Дамисомъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ШАРЛОТТА, СИГИЗМУНДЪ.

СИГИЗМУНДЪ.

Не раскаеваетесь ли вы, сударыня о томъ, что я столько для меня похвальнова слышалъ?

ШАРЛОТТА.

Да скажите на передъ сударь, желали ли вы столько слышать?

СИГИЗМУНДЪ.

Тысячу кратъ желалъ, но достоинъ ли я такой нѣжности?

ШАРЛОТТА.

Коли признаться такъ, какъ мое сердце чувствуетъ, такъ вы больше еще достойны.

СИГИЗМУНДЪ.

Ни какъ, сударыня, я еще не достоинъ вашего сердца, но по гробъ мой старатся буду увѣрить васъ въ томъ, что вы сердце ваше вручили не недостойному человѣку. Какой же въ васъ благородной духъ! хотя я и бѣденъ сталъ, однако ето несчастье ни мало не уменшило любви вашей ко мнѣ.

Вы усугубленною вашею благосклонностью сдѣлали потерю моего имѣнія для меня сносною. Ета постоянная любовь останется вамъ вѣчно похвалою, которую превосходной только духъ почитать умѣетъ. Я бы навлекъ на себя отъ всего свѣта ненависть, еслибъ пренебрегъ когда ниесть любовь вашу.

ШАРЛОТТА.

Въ етомъ я ошиблась, сударь, что дала вамъ волю столько меня выхвалять. Но похвала ваша столь для меня драгоцѣнна, что самолюбіе мое съ удовольствіемъ ее слушаетъ. Года уже съ два, какъ вамъ искренность моего сердца извѣстна Сколько то меня веселитъ, что я безъ малѣйшаго упреканія совѣсти воспомянуть могу всѣ тѣ веселые дни и часы, которые провождала я съ вами въ любови и добродѣтели.

СИГИЗМУНДЪ.

Такъ вы во всемъ мною довольны, любезная моя? О сколь мнѣ прискорбно, что я не въ состояніи сдѣлать васъ счастливою. Какое только удовольствіе, награждать такое сердце, каково ваше, когда одно только объ немъ воображеніе ужъ столь много меня услаждаетъ. Ахъ! радость моя, Юлія будетъ гораздо васъ счастливѣе, и . . . .

ШАРЛОТТА.

Вы меня обидите, если больше говорить станете, да и то уже мнѣ небезобидно, что

что вы объ етомъ думаете. Сестрица ни мало не счастливѣе меня будущимъ своимъ женихомъ, и сколь бы она имъ ни одолжена была, то однакожъ я вамъ не меньше обязана. Ваше со мною обхожденіе, ваши примѣры сдѣлали меня нѣжною, спокойною и всѣмъ свѣтомъ довольною. Коли сего не льзя назвать благополучіемъ, такъ другова нѣтъ на свѣтѣ. Намъ сево дни надобно еще, другъ мой, помочь сколько ниесть Юліи въ ея благополучіи. Она вѣрно любитъ господина Дамиса, но сама себѣ въ етомъ не вѣритъ. Всѣ поступки ея показываютъ, что пышныя ея о свободѣ мысли, не иное что, какъ плодъ любви. Она любитъ, но та скука, которую представляетъ себѣ имѣть въ супружествѣ, статься можетъ помрачаетъ любовь ея. Постараемся разогнать ей етотъ небольшой туманъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Какъ же намъ ето сдѣлать, радость моя? Я васъ во всемъ слушаться стану. Господинъ Дамисъ ее стоитъ, и она право будетъ достойною любви женою.

ШАРЛОТТА.

Послушайка, сударь. Да вотъ и господинъ Дамисъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ТѢЖЪ, ДАМИСЪ.

ШАРЛОТТА.

Вы весьма печальны кажитеся, господинъ, Дамисъ?

ДАМИСЪ.

Да есть о чомъ и печалиться. Я было думалъ поздравить севодни Юлію моею невѣстою, но теперь примѣчаю, что къ благополучїю сему не мало еще надобно времени. Чѣмъ больше изъявляю я ей любовь мою, тѣмъ меньше трогаютъ ее слова мои, и чѣмъ больше видитъ она, что намѣренїи мои справедливы, тѣмъ меньше они ей нравятся. Сколь я несчастливъ! лучшебъ было, еслибъ я не столько ее любилъ.

ШАРЛОТТА.

Что смотрѣть на ето ея упрямство. Вить ето то самой знакъ любви. И какъ она уже чувствуетъ, что сердце ея побѣждено, то употребляетъ послѣднія силы, чтобъ побѣдить любовь. Намъ надобно довести ее только до того, чтобъ она узнала, что происходитъ въ вашемъ сердцѣ.

ДАМИСЪ.

Но ежели она знать етова не захочетъ?

ШАР-

ШАРЛОТТА.

Намъ надобно разбить ее въ рѣчахъ, и противъ чаянія къ тому ее принудить. Вить еще не въ нынѣшней день быть зговору. Коли неудастся севодни, такъ въ другой разъ. Только въ томъ дѣло, господа, нравится ли вамъ мое предложеніе.

СИГИЗМУНДЪ.

Ежели я благополучію господина Дамиса сколько ни будь помочь могу, то я съ радостью стараться буду.

ДАМИСЪ.

Я вѣдаю, что вы оба довольно великодушны. И я съ моей стороны не знаю чего бы для Юліи не сдѣлалъ.

ШАРЛОТТА.

Перемѣните поступокъ вашъ предъ Юліею, Господинъ Дамисъ. Начинайте мало по малу соглашаться съ мыслями ея о вольности. Ето согласіе съ начала ей понравится и сдѣлаетъ ея безопасною. Она будетъ думать, будто для лучшихъ причинъ любить васъ начинаетъ, хотя она васъ уже и давно любитъ и въ такомъ собственномъ ея обманѣ откроетъ вамъ все свое сердце.

ДАМИСЪ.

О ежелибъ благоволило небо, чтобъ совѣтъ вашъ имѣлъ свое дѣйствіе, сколько бы я почелъ себя благополучнымъ.

ШАРЛОТТА. (*Сигисмунду*).

А вамъ надобно въ пользу Господина Дамиса сдѣлать не большой обманъ, и представиться нѣжнымъ противъ Юліи. Отъ етова придетъ въ безпорядокъ ея сердце. Она на васъ разсердится, и въ самомъ етомъ жару окажется любовь ея къ господину Дамису. Сдѣлайте ето на мой щотъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Такой принять на себя видъ много мнѣ будетъ стоить.

※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

ТѢЖЪ, ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Вотъ они всѣ вмѣстѣ. Батюшка хочетъ знать гдѣ вы, и мнѣ надобно теперь сказать ему отвѣтъ. (*Хочетъ опять уйти.*)

ШАРЛОТТА.

Что такъ скоро назадъ бѣжишъ, сестрица? Развѣ лучше нашей бесѣды найти можешъ?

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Ахъ нѣтъ сестрица. Но гдѣ вы и господинъ Сигисмундъ, такъ тутъ уже вѣрно говорятъ о любовныхъ дѣлахъ, а я не охотница быть въ такихъ бесѣдахъ.

ШАРЛОТТА.

Для чегожъ ты почитаешъ меня и господина Сигисмунда влюбленными? что вамъ здѣлалъ г. Дамисъ, что вы ему такой же чести не оказывали.

ЮЛІЯ.

Господинъ Дамисъ обѣщался мнѣ долго уже не говорить о любви, и я надѣюсь, что онъ слово свое сдержитъ.

ДАМИСЪ.

Я вамъ обѣщался сударыня, да и теперь въ другой разъ предъ всею компаніею обѣщаюсь. Позвольте мнѣ только перемѣнить нѣжность мою въ почтеніе къ вамъ. Любить васъ вы мнѣ посправедливости запретить можете, а почитать васъ не зависитъ отъ моей воли, а отъ вашихъ достоинствъ. Не страшитесь меня больше. Я уже совсемъ не женихъ вашъ. Но не ужъ ли не могу быть вѣрнымъ вашимъ другомъ.

ЮЛІЯ.

Съ охотою, ето то самое мое желаніе, чтобъ имѣть многихъ друзей, а ни одного жениха, веселится дружескимъ обхожденіемъ, но не налагать на себя брачныхъ оковъ, естьли

боль-

больше не станите вы говорить мнѣ о любви, такъ я съ вами всегда обходиться готова.

ШАРЛОТТА.

Господинъ Сигисмундъ, у едакихъ холодныхъ людей нѣчево намъ дѣлать, все равно слушаемъ ли ихъ холодной разговоръ о дружбѣ, или нѣтъ. Пойдемъ ка къ батюшкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЮЛІЯ, ДАМИСЪ.

ЮЛІЯ.

Я сестрицу свою люблю, да и большебъ ее любила, еслибъ не столько она держалась любви. Станется, что любовь много имѣетъ приятностей, но печаль и скука, которая отъ нее происходитъ, ни вочто приятности ея обращаетъ. Сама сестрица моя живой етому примѣръ. До етова была она гораздо веселѣе и отважнѣе.

ДАМИСЪ.

Я уже далъ вамъ слово не говорить больше о любви, и въ томъ стою. Дружба въ самомъ дѣлѣ кажется мнѣ миляе.

ЮЛІЯ.

Правда, сударь, дружба конечно людей увеселяетъ, а любовь наноситъ только скуку.

Для

Для тово другъ въ друга влюбляются, чтобъ насыщаться и отвѣтствовать взаимною любовїю. Не правда ли, г. Дамисъ?

ДАМИСЪ.

Я въ присудствїи вашемъ больше о любви совсѣмъ поминать не стану. Въ прочемъ вы опять придите мнѣ на мысль. Какъ могу я тогда не нарушить своего обѣщанїя?

ЮЛІЯ.

Можетъ быть несклонность мою къ любви почтете вы за мое своенравїе, либо за что иное. Но нѣтъ. Я васъ увѣряю, покой мой требуетъ быть безъ нее. Отдайте мнѣ въ етомъ справедливость. Развѣ должно чувствовать такое скорбное мученїе? Никакъ, сестрица моя въ етомъ ошибается Не должно сево чувствовать. Я ето сама по себѣ знаю. Чтожъ молчите? Я почти сама съ собою говорю. Вы печальны? Какъ же я рада, что уже вы не женихъ мой! въ прочемъ и мнѣ надлежалобъ во угодность вашу принять участїе въ вашей грусти.

ДАМИСЪ.

Никакъ, я ни мало не печалюсь.

ЮЛІЯ.

А хотябъ вы и печалились для тово единственно, что я о любви больше слышать не хочу, то однако объ етомъ бы я ни мало не сожалѣла. Мнѣ непрїятно, что вижу васъ въ

такой скукѣ, но какъ добрая пріятельница ваша ни мало тѣмъ не безпокоюсь Никакъ! я тоже не всякой часъ спокойна. Судите объ етомъ какъ изволите. Я ни мало не подозрѣваю. Мнѣ такъ же и въ томъ нужды нѣтъ, что.. однако, сударь, вы кажетесь мнѣ безмолвнымъ пріятелемъ, давно ли я столь равнодушна для васъ стала?

ДАМИСЪ.

Извините меня, сударыня, что я нѣсколько минутъ со всѣмъ назался быть безъ чувства. Я для исполненія вашего приказанія всякимъ образомъ старался истребить мучительную любовную страсть, и принять характеръ искренняго друга. Разумъ побѣдилъ теперь мое сердце. Любовь для тово была мнѣ мила, поелику я приписывалъ ее вашему достоинству. Теперь нечувствительность кажется мнѣ столькожъ пріятна и лестна, поелику она вашею холодностью во мнѣ произведена. Вѣрно теперь надѣйтесь. Я какъ можно себя скрѣплю, въ томъ только извинить меня прошу, если я иногда противъ воли моей вступлю въ прежній характеръ. Больше я любовной страсти къ вамъ не имѣю. Но еслибъ вѣдали вы, сколько я васъ почитаю, любезная пріятельница!

ЮЛІЯ.

Къ чему же вы потупили глаза? развѣ въ дружескомъ обхожденіи другъ на друга уже не глядятъ?

ДА-

ДАМИСЪ.

Етимъ я себя перемогаю. Ктобъ на васъ глядя не могъ бы васъ любить?

ЮЛІЯ.

Не проговорились ли вы опять, что вы меня любите? Едакая бѣда! поступокъ вашъ очень меня тревожитъ. Иногда говорите вы такъ влюбленно, что ужаснуться должно, а иногда съ такимъ равнодушіемъ, властно какъ въ первой разъ меня видите. Нѣтъ, сударь; во всемъ должно имѣть мѣру. Вы безпрестанно меня какъ будто дразните: доброва ли ето пріятеля дѣло? для чево любиться? развѣ вольность не столько благородна, какъ и любовь?

ДАМИСЪ.

Вольность требуетъ гораздо большей твердости духа, нежели любовь.

ЮЛІЯ.

Конечно такъ. Для чевожъ вы мнѣ въ томъ прекословите, что я вольность столько почитаю, и вмѣсто одного жениха желаю имѣть многихъ друзей? Развѣ причины мои столько не основательны, что могутъ лишить меня вашего почтенія? Скажите по сущей правдѣ, изъ своенравія ли говорю я ето. (*Дамисъ глядитъ на нее съ нѣжностію.*) Что такъ не весело на меня глядите; будто какъ обо мнѣ сожалѣете? Какой чрезъ ето знакъ даютъ

ютъ мнѣ глаза ваши? Я примѣниться къ вамъ не могу. Вы, кажется мнѣ, приняли на себя должность надзирателя, а не друга. Для чево вы за всякимъ моимъ взглядомъ больше примѣчаете, нежели сколько слушаете слова мои? Я бы желала сударь, чтобъ вы . .

ДАМИСЪ.

Чтобъ я ушолъ, хотѣлось вамъ сказать. И сей приказъ я исполню, хоть онъ мнѣ и не пріятенъ. Сколькобъ вы меня ни ненавидѣли, однако никогда я не перестану въ присудствіи вашемъ жаловаться на судьбу мою. Имѣю честь препоручить себя.

ЮЛІЯ.

Я васъ ненавижу? Когда я ето говорила, что васъ ненавижу? Ети слова я понимаю, поелику вы нехочете меня любить, такъ уже и ненавидите. Весьма великодушно. Вотъ плоды великой нѣжности. Но я не выду изъ терпѣнія, хотябъ вы мнѣ гораздо съ холоднѣйшимъ видомъ еще разъ сказали. Имѣю честь препоручить себя. Ето одна только придворная учтивость.

ДАМИСЪ.

Етою учтивостію изъявляютъ преданность. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЮЛІЯ ОДНА:

Какъ? онъ уходитъ? да къ чему мнѣ столько безпокоиться? вить я ево не люблю... Никакъ, я къ нему только склонна. Едакая несносная спѣсь. Онъ меня оставляетъ. Не досадила ли я ему чѣмъ? впрочемъ кажется мнѣ, что онъ человѣкъ разумной, и великодушной... Никакъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ. Ето было одно только притворство. Мнѣ сево дни очень не весело. (*Шарлотта нечаянно входитъ*) Еслибъ моя лютня здѣсь была, я бы...

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

ЮЛІЯ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Я сей часъ ее принесу, коли тебѣ надобно. Но, скажи мнѣ сестрица, что ты сама съ собою разговариваешъ? кажется къ етому ты не привычна, чтобъ тебѣ самой съ собою говорить.

ЮЛІЯ.

Коли я сама съ собою говорила? не знаю, что я севодни всѣмъ столько подозрительна кажусь?

ШАРЛОТТА.

По чемубъ мнѣ, сестрица, знать, что тебѣ лютня надобна, еслибъ сама ты не проговорилась? Меня ты не видала, такъ конечно сама съ собою говорила. Я думаю, что такъ, или ты другова мнѣнія?

ЮЛІЯ.

Конечно вы всѣ сговорились меня дразнить?

ШАРЛОТТА.

Какъ такъ. Я тебя не дразню. А когда сдѣлалъ ето господинъ Дамисъ, такъ въ томъ я не виновата. Для чево съ добрыми пріятельми поласковѣе не обходиться? Онъ мимоходомъ сказалъ мнѣ, что ты очень прогнѣвалась на то, что онъ противъ обѣщанія своево проговорился нѣсколько разъ о любви.

ЮЛІЯ.

Я думаю, сестрица, что ты пришла требовать отъ меня отвѣту. Вить ты слышала, что къ любви ни кто меня не склонитъ.

ШАРЛОТТА.

Хорошо, сестрица. Если господинъ Дамисъ тебѣ не по нраву, то я сама прошу тебя не люби ево.

ЮЛІЯ.

Какъ же умно сказала ты сестрица! коли онъ тебѣ противенъ такъ.. Должно ли намъ тово ненавидѣть, къ кому любовной не имѣемъ

емъ страсти? Вить я тебя не спрашивала, противенъ ли тебѣ твой Сигизмундъ.

ШАРЛОТТА.

Правда, ты еще меня не спрашивала, сестрица, но еслибъ спросила, то бы я сказала тебѣ, что я люблю ево весьма нѣжно, сердечно, и ни малаго стыда въ нѣжности своей не имѣю. Къ чувствованію любви больше требуется разума, нежели къ защищенію вольности.

ЮЛІЯ.

Съ досады умереть должно. Господинъ Дамисъ говорилъ прежде тоже самое. Кому теперь вѣрить? Извини меня, сестрица. Я знаю, что ты разумнѣе меня. Дозволь мнѣ пожалуй предпочесть мнѣніе мое твоему. Для чево господинъ Дамисъ не то говорилъ, что ты говоришъ? Ты вить нѣсколько разъ объ немъ твердила, что онъ человѣкъ разумной и изрядной.

ШАРЛОТТА.

Ета похвала то же не касается къ нашему спору, но статься можетъ, что предложеніе ето клонится къ твоимъ мыслямъ. Господинъ Дамисъ конечно гораздо разумнѣе меня, но онъ такой же человѣкъ, какъ я. А по пословицѣ говорится: на всякаго мудреца довольно простоты.

ЮЛІЯ.

Такъ ты сестрица пришла сюда доказывать мнѣ, что у господина Дамиса человѣческой

ческой разумъ, а не ангельской? Етому я вѣрю. Ахъ сестрица, насмѣшки твои очень для меня сносны. Я бы легко тебѣ такой же отвѣтъ сказать могла, что твой Дамисъ такъ же человѣкъ, но не хочу етова сдѣлать. Не подумай, чтобъ я на перекоръ тебѣ защищала господина Дамиса. Никакъ, положимъ, что онъ не такъ разуменъ, не такой щоголь, не столь любви достойной, каковъ твой Сигизмундъ, тѣмъ еще больше нахожу я причинъ защищать мою вольность и ево не любить.

ШАРЛОТТА.

Ты уже горячишся, любезная сестрица. Ругаешь меня и господина Сигизмунда, однако я не смотря на ето всякаго добра тебѣ желаю. Нельзя на тебя злобствовать. Добросердечие твое видно изъ глазъ твоихъ и словъ. Пороки твои, любезная сестрица, столько простительны, сколько красота твоя любезна. По крайней мѣрѣ можнобъ и етихъ избѣгнуть, еслибъ не столь откровенно ты поступала, какъ поступаешь. Мнѣ нынѣшней ночи, сестрица, снился удивленія достойной сонъ объ нѣкоторой молодой и прекрасной невѣстѣ, и я тебѣ . . .

ЮЛІЯ.

Пожалуй оставь меня одну, сестрица. Мнѣ теперь грустно, а если ты больше говорить станешь, такъ мнѣ еще грустнѣе будетъ.

ШАР-

ШАРЛОТТА.

Развѣ тебѣ то досадно, что я въ сердцахъ одно слово противъ г. Дамиса . . . ?

ЮЛІЯ.

Къ чему тебѣ объ немъ опять мнѣ напоминать? развѣ пуще разсердить меня хочешъ? пусть слабой разумъ ево при немъ останется, а меня оставь на нѣсколько минутъ одну съ моею грустью и моимъ счастьемъ. Большія сестры всегда таки находятъ въ меньшихъ какія нибудь пороки.

ШАРЛОТТА.

Хорошо я пойду. Да приходи и ты поскорѣе, чтобъ опять тебѣ самой съ собою не разговориться.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЮЛІЯ, МАГИСТЕРЪ

ЮЛІЯ.

Развѣ мнѣ одной здѣсь быть не льзя? Вамъ конечно необходимо должно мнѣ помѣшать, дядюшка господинъ Магистеръ? скажите мнѣ короткими словами, что вамъ надобно?

МАГИСТЕРЪ.

Я хочу съ тобою, племяненка, объ одномъ дѣлѣ похлопотать. Статься можетъ, что

я глядя по лѣтамъ моимъ и знанію въ етомъ не неискусенъ. Я тебя люблю, и ты знаешъ, сколь разумъ необходимъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ.

ЮЛІЯ.

Да, я ето знаю. Не смотря на то, желалабъ я севодни совсѣмъ быть безъ нево. Авось либо не столькобъ я тревожилась.

МАГИСТЕРЪ.

Ето сказала ты племяненка не подумавши. Чѣмъ бы могли мы отличать истинну отъ лжи, мнимое добро отъ истиннаго блага? кто бы склонилъ мысли наши къ здравымъ и счастливымъ намѣреніямъ, еслибъ не разумъ? и была ли бы ты столько любви достойною, когдабъ въ тебѣ не было разума.

ЮЛІЯ.

Вить здѣсь вы не на каѳедрѣ, дядюшка, господинъ Магистеръ. Что вамъ мучить меня своимъ ученіемъ? я не желаю быть такимъ мудрецомъ, каковы вы, да и быть не могу, по тому, что я не имѣю такой способности.

МАГИСТЕРЪ.

Ето то самое, что ты такою быть не желаешъ, доказываетъ, что ты довольно разумна. Я не требую отъ тебя ни какихъ наукъ, а желалъ бы и свои позабыть разговаривая съ тобою. Нынѣшней день надлежалобъ тебѣ приступить къ твоему благополучію

лучїю, но не видно къ тому твоего намѣренія. Однако батюшка твой сердечно сево желаетъ. Я далъ ему слово сдѣлать тебѣ нѣкоторыя небольшія предложенія. Желалъ бы я, чтобъ ты ихъ выслушала, и сдѣлала мнѣ на то возраженіе. Оно по старости лѣтъ моихъ будетъ для меня ненесносно. Любовь есть наилучшая, а при томъ опаснѣйшая страсть. Она намъ мститъ, коли мы ею ругаемся. Такъ же и тогда не избѣгаемъ мщенія, когда мы въ послушаніи нашемъ съ лишкомъ поторопимся.

ЮЛІЯ.

Вы нѣсколько пространны въ своихъ предложеніяхъ, но я вамъ дядюшка безпрекословно уступаю. Оставте меня съ покоемъ. Мой разумъ дѣйствительно не столько основателенъ какъ философія. Однако по ето время довольно былъ крѣпокъ для моего сердца.

МАГИСТЕРЪ.

Развѣ ты не знаешъ, что страсти наши побѣждаютъ насъ больше тогда, когда спокойнѣйшими быть кажутся? Сердце человѣка весьма обманываетъ. Разумнѣйшіе люди не рѣдко сами не узнаютъ, что въ сердцѣ ихъ происходитъ. Мы любимъ, и не прежде то узнаемъ, какъ тогда, когда уже насъ больше любить не станутъ. Етому ни чему ты не вѣрь, поелику я говорю. Никакъ, лутчїе знатоки человѣческихъ сердецъ,

децъ, каковъ Сократъ, Платонъ, Сенека и многіе другіе новые философы такъ утверждаютъ.

ЮЛІЯ.

Я всѣхъ сихъ мужей не знаю. Но когда они такъ были разумны, какъ вы говорите, то конечно они и тово упомянуть не забыли, чтобъ обезпокоенное сердце многими предложеніями больше не тревожить. И я приписываю Платону, Сенекѣ и всѣмъ имъ столько разума и учтивости, что они на вѣрное просилибъ васъ оставить меня съ покоемъ, еслибъ здѣсь они были Какъ скоро я не въ силахъ буду противиться страстямъ, а особливо любовной, то тотчасъ употреблю въ помощь вашу философію.

МАГИСТЕРЪ.

Откровенность твоя мнѣ нравится, хотя ты мнѣ прекословишь. Я почелъ бы себя весьма скудоумнымъ философомъ, еслибъ не слушалъ съ терпѣніемъ твоего противорѣчія. Ты меня не обидѣла, ни какъ! но сказываешъ, что ты обезпокоена. Развѣ теперь не можешъ ты безпокойства етова прогнать разсужденіемъ? Отъ чево оно въ тебѣ происходитъ? Не дѣйствіе ли ето любви, или отвращенія? страха, или желанія? Я бы хотѣлъ, чтобъ ты ясное объ етомъ познаніе имѣла Ежели извѣстна причина моральнаго зла, то можно найти моральное и средство къ отвращенію ево. Я подаю тебѣ здравой

со-

совѣтъ. Я говорю внятно, и желалъ бы еще говорить внятнѣе.

ЮЛІЯ.

Я ни мало не сомнѣваюсь, какъ объ откровенности вашей, такъ и о знаніи. Но мнѣ скучно. Сама я не знаю, чево мнѣ не достаетъ, и къ спокойствію моему знать не хочу. Оставте меня съ покоемъ. Вы кажетесь мнѣ очень остроумны.

МАГИСТЕРЪ.

Ты съ лишкомъ меня выхваляешъ! еслибъ ты въ изслѣдованіи истинны столько лѣтъ упражнялась, какъ я, такъ бы и ты ясно разсуждала. Перемоги безпокойство и разсуди о томъ благополучіи, которымъ во всю жизнь твою наслаждаться будешъ. Господинъ Дамисъ желаетъ твоего сердца, и кажется, что онъ тово стоитъ. Что разумъ твой на ето тебѣ скажетъ? Все счастіе супружества зависитъ отъ выбора въ любви, и ни одна ошибка такъ жестоко насъ не наказываетъ, какъ та, которую сдѣлаемъ мы въ любви. Но когда скорѣе ошибиться можно, какъ не въ такомъ случаѣ?

ЮЛІЯ.

Я вѣрю, что наставленіе ваше здраво. Но какую оно принесетъ мнѣ пользу, когда я любить не намѣрена?

МАГИ-

МАГИСТЕРЪ.

Ты очень горячишся Однако я не выду изъ терпѣнія. Ты не хочешъ ни любить, ни замужъ выходить? Но знаешъ ли, что ты къ сему обязана? Сказать ли тебѣ доводъ изъ естественнаго закона? Вить ты желаешъ, чтобъ человѣческой родъ продолжался? Вотъ намѣреніе, къ которому влечетъ насъ натура. Средство къ сему есть любовь. А кто хочетъ принять ето намѣреніе, тому надлежитъ принять и средство, ежели онъ впрочемъ человѣкъ благоразумной. Видишъ ли теперь, что ты обязана вытти замужъ. Не ощущаешъ ли ты дѣйствія сихъ причинъ?

ЮЛІЯ.

Въ самомъ дѣлѣ я ихъ не чувствую. Когда любовь не иное что, какъ должность: то удивительно мнѣ, какъ можетъ она привлекать къ себѣ столько сердецъ. Я желаю любить безъ всякихъ понужденій. Я намѣрена ждать, покамѣстъ любовь сама плѣнитъ меня своими прелестьми.

МАГИСТЕРЪ.

Ето значитъ, племяненка сударыня, упрямиться, ежели непринимать и самыхъ яснѣйшихъ доказательствъ. Когда тебѣ извѣстно то, что ты обязана къ супружеству, то можетъ ли желаніе твое быть безпредѣльно? Развѣ согласіе разума, и намѣреніе воли, не тоже самое дѣйствіе души нашей?

Для

Для чевожъ не намѣрена ты вытти за Господина Дамиса, считая ето за долгъ свой?

ЮЛІЯ.

Прошу меня извинить, Господинъ магистеръ, что я васъ оставляю, не будучи убѣждена вашимъ нравоученіемъ. Чѣмъ я бѣдная виновата, что не столько умна, какъ Платонъ, Сенека, и другіе разумные ваши мужи? Разсуждайте съ ними, для чево я къ замужству охоты не имѣю, будучи по вашимъ доводамъ къ тому обязана. Мнѣ надобно еще въ поварнѣ кое што разпорядить.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

МАГИСТЕРЪ, КЛЕОНЪ.

МАГИСТЕРЪ.

Я дочкѣ твоей Юліи всевозможныя дѣлалъ предложенія; говорилъ съ нею съ великимъ униженіемъ своего знанія; приводилъ сильнѣйшія доказательства. Но . . .

КЛЕОНЪ.

Лучшебъ ты сказалъ ей примѣра два три о благополучно вышедшихъ замужъ дѣвицахъ.

МАГИ-

МАГИСТЕРЪ.

Она много мнѣ прекословила. Но я не вышелъ изъ терпѣливости. Я доказалъ ей, что она неотмѣнно замужъ выпти должна.

КЛЕОНЪ.

Много было твоихъ трудовъ. Я думаю, что дѣвица восемнадцати лѣтъ, не долгобъ такимъ доказательствамъ противилась.

МАГИСТЕРЪ.

Юлія все слушала. Я приводилъ ей ясныя доказательства. Вить съ людьми не учеными, которые отвлекательнымъ образомъ не могутъ думать, трудно имѣть дѣло. Въ такихъ случаяхъ надобно себя унизить, и употребить въ помощь разумъ.

КЛЕОНЪ.

Но какой однако имѣютъ успѣхъ твои доказательства въ разсужденіи Юліи? соглашается ли она выпти за Дамиса? Еще не сказала она своего намѣренія? Я уже не придумаю что мнѣ сказать такому честному человѣку. Намѣреніе ево похвально и онъ довольно имѣетъ достоинствъ.

МАГИСТЕРЪ.

Она сказала, что она безпокойна. А ето такъ же худо, поелику философическія доказательства требуютъ спокойнаго духа, ежели кого убѣдить хотятъ. Когда разумъ встрево-

встревоженъ побужденіемъ нашихъ желаній; то тогда онъ ни чему не внимаетъ. А безъ вниманія и сильнѣйшія доводы, какъ горохъ къ стѣнѣ.

КЛЕОНЪ.

Пожалуй не говори такъ глубокомысленно. Тебѣ бы ее надлежало успокоить, и тогда бы я увидѣлъ пользу твоего искуства.

МАГИСТЕРЪ.

Я всякимъ образомъ покушался. Представлялъ ей любовь въ наилучшемъ видѣ. При томъ напередъ увѣрялъ ее, что счастливое супружество великое приноситъ увеселеніе.

КЛЕОНЪ.

Конечно такъ, счастливыя супружества нѣчто весьма хорошее составляютъ. Но тебѣ было сказать ей, что ея супружество особливо благополучно будетъ. Съ такимъ то намѣреніемъ къ ней я тебя посылалъ.

МАГИСТЕРЪ.

Прямо сказать, ѳеоремы и доказательства ни чево намъ не помогутъ. Она простыя правила хорошо понимаетъ; но когда дойдетъ дѣло до тово, чтобъ связать ихъ вмѣстѣ и сдѣлать соразсужденіе, такъ разумъ ея и не понимаетъ, а она на ето сердится.

КЛЕОНЪ.

Такъ ты мнѣ больше и пособить уже не можетъ. Какъ бы намъ ее поуговорить?

МАГИСТЕРЪ.

Я найду еще нѣкоторыя остроумныя доказательства, которыя называются *Катедролонъ*. Такими доказательствами древнія витіи писали басни, аллегоріи, или парабулы. Ета разумная мечта удачно обманываетъ людей слабоумныхъ. Я посмотрю, не удастся ли мнѣ произвесть тово въ дѣйство выдумками, чево не могъ разумомъ. Статься можетъ басни подадутъ ей большую охоту къ замужству, нежели доказательства. Вотъ я тотчасъ одну сочиню, и прочту ей съ такимъ видомъ, какъ будто я нашелъ ее въ басняхъ нѣкотораго молодаго человѣка въ Лейпцигѣ, которой чрезъ свои басни и повѣствованіи былъ весьма любимъ школьнымъ юношествомъ.

КЛЕОНЪ.

Очень хорошо, братецъ, попытка вить не какая бѣда. Всякимъ образомъ надобно отвѣдать. Если ета твоя басня будетъ имѣть успѣхъ, такъ ты можешъ ея въ самой день свадьбы дочери моей издать въ свѣтъ. Только не долго думай, вить басню сплесть не проповѣдь сказать, тутъ не для чево держаться великой точности. Дочь моя вѣрно тебя послушаетъ. Постарайся, чтобъ она дала слово. Я послѣ поблагодарю тебя за то хотя не баснями; однако чистосердечно. (*Магистеръ уходитъ*). ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАТЦАТОЕ.

КЛЕОНЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Господинъ Симонъ прислалъ къ вамъ батюшка со слугою ето письмецо.

КЛЕОНЪ.

„(*Читаетъ*) Поелику вы желаете, такъ я „приду къ вамъ около полудни: мнѣ выборъ „Дамисовъ весьма нравится. Счастливѣе се„го выбрать бы онъ не могъ. Словомъ ска„зать, севодни будетъ у насъ съ вами и „дочерьми вашими великое увеселеніе, понеже „я сверхъ етой радости получилъ еще отъ „двора пріятную вѣсть. При томъ вамъ объ„являю, что духовная покойной г. Стефан„щи севодни, либо завтре будетъ объявле„на. Я уповаю, что она вамъ навѣрно что „ни есть отказала. Статься можетъ часу въ „пятомъ принесу я надежное вамъ извѣстіе. „И есмь и проч.„ Благодарить Бога, дочь. Я было думалъ, что господинъ Симонъ на свадьбу нашу не согласится, по тому, что за Юлїею никакова нѣтъ приданова.

ШАРЛОТТА.

А я ни мало объ етомъ не сумнѣвалась. Господинъ Симонъ весьма человѣколюбивъ и снисхо-

ходителенъ, и подлинно считаетъ то себѣ за удовольствіе, чтобъ помочь благополучію такой дѣвицы, которая ни какихъ за собою пороковъ не имѣетъ, кромѣ одного только недостатка.

КЛЕОНЪ.

Ты весьма справедливо говоришъ дочка. Онъ любезный человѣкъ. Только я было думалъ, что за нимъ какой нибудь порокъ есть, по тому что ему уже лѣтъ около сорока, а чину еще не имѣетъ. Да что намъ все ето пособитъ, когда Юлія за Дамиса вытти не захочетъ?

ШАРЛОТТА.

Не печальтесь, батюшка, Юлія точно уже побѣждена. И я думаю, что для нее горьше сего несчастія быть не можетъ, ежели отдать ей любезную ея вольность. Я имѣю вѣрнѣйшіе признаки, что она Дамиса любитъ.

КЛЕОНЪ.

Можно ли етому статься? Я таки и самъ то же думалъ. Едакія плутовки дѣвки! они всегда притворяются, какъ будто сердце ихъ къ мущинамъ со всѣмъ не лежитъ, а въ самомъ дѣлѣ сердечно себя ими увеселяютъ. Добро, любовь такъ же не безнужна въ свѣтѣ. Въ прочемъ бы небо насъ ею не надѣлило.

ШАР-

ШАРЛОТТА.

Ета дѣвичья уловка, батюшка, до меня не касается. Я думаю, что моя любовь всякому извѣстна. Я разумную любовь почитаю по крайней мѣрѣ не за какой большой грѣхъ, какъ только за одну разумную дружбу. Жизнь наша статься можетъ для тово, столько для насъ тягостна, чтобъ мы тѣмъ больше старались чрезъ любовь нашу облегчить ету тягость, и сдѣлать ее пріятною.

КЛЕОНЪ.

Любезная дочь, ежелибъ мнѣ тютка ваша г Стефанша что нибудь отказала, то бы я обѣихъ васъ съ радостію въ одинъ день сговорилъ а спустя дни два три сыгралъ бы и свадьбу. Я бы все наслѣдство за вами отдалъ.

ШАРЛОТТА.

Никакъ, любезный батюшка, хотябъ вы по духовной что нибудь и получили, однако весьмабъ несправедливо было, еслибъ мы свадьбами нашими вдругъ лишили васъ всево имѣнія. Нѣтъ батюшка, я могу еще подождать. Женихъ мой не согласится взять меня безъ довольнаго приданаго.

КЛЕОНЪ.

Постарайся же дочка, уговорить сево дни сестру свою. Дѣвицамъ хотя и должно обходиться съ женихами холодно; однакожъ не надлежитъ съ лишкомъ много дѣлать имъ затрудненія.

ШАРЛОТТА.

Матушка наша не такъ намъ говорила.

КЛЕОНЪ.

Едакая дура. Вишь отецъ также имѣетъ власть приказать. Я самъ былъ молодъ, и молодость моя ни мало не приводитъ меня въ раскаяніе. Я съ любезною вашею матушкою обходился за годъ до свадьбы, и шестнадцать лѣтъ въ женидьбѣ подѣтски. Она дѣлала для меня тысячу забавъ, я ей за ето и по смерти своей благодарить буду. Она и васъ, любезные дѣти, безъ хвастовства сказать, гораздо хорошо воспитала. Право ты будешъ благополучна, вѣрно надѣйся. Ты для меня много дѣлаешъ добра. Ты управляешъ всѣмъ моимъ домомъ. Будь довольна своею судьбою. Я по смерти моей оставлю тебѣ честное имя, и доброе воспитаніе. Вели положить меня въ гробъ любезной жены моей. Я буду въ одномъ съ нею мѣстѣ покоиться.

ШАРЛОТТА.

Къ чему вы, батюшка столько меня уговариваете? Я бы желала, чтобъ вы еще довольно на свѣтѣ пожили, и узналибъ то, что честь моя состоитъ въ должности показывать вамъ мои услуги. И хотябъ я вамъ сто лѣтъ еще служила, то однако почиталабъ всегда за долгъ мой. Нынѣшней день должнобъ вамъ радоваться. Но статься можетъ,

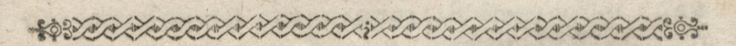
что печальное чувствованіе въ васъ произшедшее, есть пріятнѣйшее, которое доброму только отцу чувствительно.. Батюшка, сударь, въ погребу вина уже больше нѣтъ кромѣ одной бочки, которую вы въ тотъ годъ, какъ я родилась въ погребъ поставили. Чѣмъ сево дни гостей подчивать станемъ?

КЛЕОНЪ.

Почни ету бочку. Хотябъ нектаръ былъ, такъ для нынѣшнево дни все еще маловажно. Скоро уже пора будетъ обѣдать. Я пойду доставать изъ садка карповъ. Если увижу Юлію, то я опять ее къ тебѣ пришлю, когда ты съ нею поговорить хочешъ.

ШАРЛОТТА.

Хорошо, батюшка, а я маленько здѣсь еще помедлю.

ЯВЛЕНІЕ ДВЕНАТЦАТОЕ.

ШАРЛОТТА, СИГИЗМУНДЪ.

СИГИЗМУНДЪ.

Я нѣсколько поговорилъ уже съ Юліею. Она на Дамиса сердита; но вся жалоба ея кажется мнѣ не иное что, какъ весьма странное изъявленіе любви. Я было не думалъ, чтобъ она столько къ нему была горяча. Глаза и

сердце ея живо показываютъ любовь и дружбу, сколько ни старается она скрывать первую.

ШАРЛОТТА.

А, а, другъ мой! я могу на тебя такъ же нѣсколько подозрѣвать. Не правда ли, что сестрица моя гораздо меня пригоже? Однакожъ вы меня любите?

СИГИЗМУНДЪ.

Кто можетъ любя васъ быть непостояннымъ? Сестрица ваша довольно имѣетъ достоинствъ; но вы еще больше ея имѣете. Вы знаете мое сердце. Оно можетъ вамъ быть надежнѣйшимъ залогомъ моея вѣрности.

ШАРЛОТТА.

Конечно, я сердце ваше знаю, и вѣрно на нево надѣюся. Ахъ любезный другъ, я вамъ нѣчто скажу. Можетъ быть Богъ пошлетъ намъ небольшое благополучїе. Еслибъ только благоволило небо, чтобъ послужило оно къ вашему спокойствїю! господинъ Симонъ писалъ къ батюшкѣ, что духовная тетушки г. Стефановщи нынѣшней день будетъ объявлена, и онъ думаетъ, что въ ней и о батюшкѣ упомянуто. Дай Богъ, чтобъ это сдѣлалось, и чтобъ я столько счастлива была, чтобъ сколько нибудь обстоятельства ваши поправила.

СИ-

СИГИЗМУНДЪ.

Не безпокойте меня, пожалуйте. Вы любите меня сверьхъ заслугъ моихъ. Возмите терпѣніе, все еще благополучно будетъ, и . .

ШАРЛОТТА.

Вы безпокойны? Что васъ тревожитъ? Скажите мнѣ. Спокойствіе ваше дороже мнѣ жизни моей.

СИГИЗМУНДЪ.

Ахъ, моя любезная, мнѣ недостаетъ одного только счастія, чтобъ вѣчно вами владѣть! мысли мои разбрелись, єту ночь я худо спалъ.

ШАРЛОТТА.

Перестаньте пожалуйте печалиться. Пойдемъ ка прежде къ сестрицѣ, а по томъ пойдемъ обѣдать.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

КЛЕОНЪ, ЮЛІЯ.

КЛЕОНЪ.

Вить ты можешъ знать, любишъ ли ты ево?

ЮЛІЯ.

По чему мнѣ ето знать? Я охотно вамъ повинуюсь. Но отдайте мнѣ мою вольность.

КЛЕОНЪ.

Я охотно вамъ повинуюсь, но отдайте мнѣ мою вольность. Что ты говоришъ глупинькая? если я отдамъ тебѣ вольность: такъ ты уже не станешъ меня и слушаться. Я ни мало тебя не принуждаю. Я тебя люблю. Ты мнѣ только скажи, нравится ли онъ тебѣ?

ЮЛІЯ.

Нравится ли мнѣ господинъ Дамисъ. Можетъ быть, батюшка. Подлинно я не знаю.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Не стыдись съ отцомъ говорить откровенно, дочка. Ты уже не маленькая. А любовь вить не какое непозволительное дѣло. Нравится ли онъ тебѣ, лицомъ и станомъ.

ЮЛІЯ.

Онъ мнѣ не противенъ можетъ быть . . . . гораздо онъ мнѣ нравится.

КЛЕОНЪ.

Хотѣлъ бы я знать, дочь, что у тебя за можетъ быти. Вить мы говоримъ не о какихъ тайностяхъ; ты спроси объ етомъ свое сердце.

ЮЛІЯ.

Но когда сердце мое будетъ столько невѣрно, и мнѣ откровенно отвѣчать не будетъ?

КЛЕОНЪ.

Пожалуй не говори такъ замысловато, сердце твое ты сама, а вить ты можешъ знать, что въ тебѣ происходитъ. Когда ты видишъ, что сватаится за тебя человѣкъ молодой, пригожїй, искусной, разумной, и богатой; такъ ты и то чувствовать можешъ, хочешъ ли ты за нево выттц.

ЮЛІЯ.

За господина Дамиса? . . . Ахъ! батюшка. Дайте мнѣ времени подумать. Я севодни без-

безпокойна, и въ такомъ безпокойствіи могу сдѣлать ошибку. Въ самомъ дѣлѣ я не думаю, чтобъ я ево любила. Въ прочемъ былабъ я весела и довольна. Да кто еще и то вѣдаетъ, лежитъ ли ево ко мнѣ сердце?

КЛЕОНЪ.

Когда ты етимъ себя безпокоишъ; такъ ето уже изрядной слѣдъ. Едакая бѣда! еслибъ ты ему не понраву была, такъ бы онъ не столько къ тебѣ ласкался. Онъ можетъ быть знаетъ тебя лучше, нежели ты сама себя знаешь. Подумай ка, захотѣлъ ли бы я жениться на твоей матушкѣ, когда она еще дѣвицею была, еслибъ она мнѣ не нравилась. Вить онъ тебя называетъ: дѣвица Юлія, или какъ еще . . . ты вить сказать мнѣ можешъ.

ЮЛІЯ.

Онъ называетъ меня Мамзелью.

КЛЕОНЪ.

Ты меня обманываешъ, дочь, чтобъ онъ называлъ тебя просто мамзелью? статься сему не зъзя.

ЮЛІЯ.

Иногда говоритъ онъ такъ же, любезная мамзель.

КЛЕОНЪ.

Ты притворяешся дочь. Говори правду. Вить ты говорищь съ отцомъ. Какъ онъ тебя называетъ тогда, когда ласково съ тобою обходится?

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Я вспомнить не могу. Онъ говоритъ . . онъ говоритъ . . . . моя Юлія.

КЛЕОНЪ.

Что же такъ жалко говоришъ? или ты о своемъ имени вздыхаешъ? имя твое хорошо. Такъ онъ называетъ тебя моя Юлія? хорошо, а иначе никогда не называетъ онъ тебя?

ЮЛІЯ.

Такъ, батюшка, сударь, онъ называетъ меня иногда, любезная моя Юлія. Да къ чему вамъ такъ меня выспрашивать?

КЛЕОНЪ.

Еда кая дурочка! дай мнѣ волю. Доброй отецъ тѣмъ себя веселитъ, что дочери его хорошо воспитаны. Я вить съ вами всегда обхожусь ласково. Но что объ етомъ разсуждать, станемъ ка говоритъ о дѣлѣ. Не говоритъ ли тебѣ г. Дамисъ такъ напримѣръ: моя любезная Юлія, я тебя . . . .

ЮЛІЯ.

Ни какъ батюшка. Онъ говоритъ мнѣ всегда вы, ни когда не скажетъ ты. Етобъ значило уже великую дружбу, или по меньшой мѣрѣ неучтивство.

КЛЕОНЪ.

Да, добро, хотябъ онъ и сказалъ тебѣ ты, такъ бы нимало ето чести твоей не опорочило. Покойная жена моя будучи невѣстою, говаривала мнѣ всегда ты, и ето мнѣ любезно было. И такъ онъ говоритъ тебѣ, любезная моя Юлія, я васъ люблю: а иногда говоритъ, вы мнѣ нравитесь, а безъ сего не сказалъ бы онъ перьваго.

ЮЛІЯ.

Онъ едакъ ни когда мнѣ не говоритъ.

КЛЕОНЪ.

Ты бѣсишъ меня, дочка. Вить я самъ нѣсколько разъ слыхалъ.

ЮЛІЯ.

Чтобъ онъ мнѣ говорилъ: я тебя люблю?

КЛЕОНЪ.

Конечно такъ.

ЮЛІЯ.

Не прогнѣвайтесь, батюшка, что я вамъ скажу. Етова господинъ Дамисъ въ жизни своей не говаривалъ. Я васъ сердечно люблю, ето онъ мнѣ говоритъ; а никогда не скажетъ, что я васъ люблю.

КЛЕОНЪ.

Не вздоръ ли ты мелешъ, дочь. Вить у насъ дѣло не о словахъ.

ЮЛІЯ.

Однако ето еще лучше: *я васъ сердечно люблю*, нежели другое.

КЛЕОНЪ.

Конечно такъ. Я всегда говаривалъ етижъ слова женѣ моей, и ето ей очень мило казалось. А что свѣтъ слова перемѣняетъ, въ томъ я не виноватъ. Ваши сестры нынѣ за каждымъ словомъ такъ примѣчаютъ какъ арифметистъ за цифрами. Ну! хорошо дочь, когда онъ тебѣ такъ говоритъ. Принимай ево слова. Долго ли еще отговариваться станешъ? Я гляжу уже въ гробъ. Чево еще ждашь? я тебѣ говорю, дочь, что ни одна графиня не побрезгалабъ твоимъ женихомъ. Севодни надлежитъ сказать господину Дамису рѣшительной отвѣтъ, намѣреня ли ты . . . .

ЮЛІЯ.

Батюшка!

КЛЕОНЪ.

Ну! что? Говори смѣло. Витъ ты говоришь съ отцемъ. Я обхожусь съ тобою, какъ съ сестрою своею.

ЮЛІЯ.

Дозвольте мнѣ, батюшка, попросить васъ объ одномъ дѣлѣ?

КЛЕОНЪ.

Весьма охотно слышать хочу. Ты мнѣ столько любезна какъ Шарлотта, хотя та нѣсколько тебя и поучонѣе. Проси, что тебѣ надобно?

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Я къ етому ни малой склонности не имѣю, и ето очень меня безпокоитъ.

КЛЕОНЪ.

Ето не прозьба. Говори откровенно.

ЮЛІЯ.

Я бы хотѣла васъ попросить батюшка, чтобъ вы . . . отдали мнѣ мою вольность.

КЛЕОНЪ.

Съ твоею вѣчною вольностью! я было думалъ, что ты хочешь уже просить о подвѣнешномъ платьѣ. Вить я отдаю тебѣ твою вольность. Ты должна полюбить съ доброй воли, безъ всякаго принужденїя. Подумай ка здѣсь одна. Я мѣшать тебѣ не стану.

✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЮЛІЯ, ДАМИСЪ.

ДАМИСЪ.

Смѣю ли я съ вами поговорить, сударыня?

ЮЛІЯ.

Вы очень къ стати пришли. Та любовь сударь, за здоровье которой пили вы при столѣ, весь-

весьма меня огорчила. Сестрица моя смѣялась надо мною. Да что дѣлать, нравъ ея севодни совсѣмъ развращенъ. Она и васъ сударь тутъ же припомнила.

ДАМИСЪ.

Меня: раскажите мнѣ пожалуйте подробно?

ЮЛІЯ.

Я сказала ей, что вы одново со мною мнѣнія, и что вы тожe самое утверждаете, что къ вольности больше требуется высокости духа, нежели къ любви. Объ томъ она смѣялась, и смѣло сказала, что вы рассуждали несправедливо, если еще не больше. Пожалуйте не показывайтесь ей, она подумаетъ, что мы хотимъ завести дружбу.

ДАМИСЪ.

Не уповаю, чтобъ Шарлотта такъ худо думала. Она вить самая дѣвица честная и постоянная.

ЮЛІЯ.

Такъ я въ мнѣніи своемъ не ошиблась, что вы прекословить мнѣ будете. Я только признаюсь вамъ, что я напослѣдокъ сказала. Подлинно сестрица моя гораздо меня лучше, поелику она говоритъ о любви, а я нѣтъ.

ДАМИСЪ.

Простите ей, если она обо мнѣ что нибудь молвила. Вить я такъ же не безъ пороковъ,

ковъ, и статься можетъ лучшебъ я вамъ нравился, когдабъ ихъ поменьше имѣлъ.

ЮЛІЯ.

Къ чему такое униженїе? или вы етимъ уговорить меня хотите.

ДАМИСЪ.

Ахъ любезная, конечно не вѣрите вы, сколько я васъ почитаю?

ЮЛІЯ.

Кто объ етомъ сомнѣвается. Вить вы къ сестрицѣ моей благосклонны; такъ невеликаго уже вамъ труда стоитъ и мнѣ такую же показывать благосклонность.

ДАМИСЪ.

Правда, сударыня, я васъ въ томъ увѣряю, что я Шарлотту всѣмъ бы предпочелъ красавицамъ, еслибъ васъ я не зналъ.

ЮЛІЯ.

Вы думаете что я ласкательствомъ вашимъ возгоржусь. Ету опасность легко отвратить можно.

ДАМИСЪ.

Пусть лишусь я благополучїя моего, любезная приятельница, когда ето ласкательство мое было. Что подаетъ вамъ причину почитать меня нечистосердечнымъ человѣкомъ?

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ (въ безпорядкѣ)

Я . . . Я объ васъ наилучшаго мнѣнія.

ДАМИСЪ.

Да что вы похвалу ету такъ печально выговариваете? Развѣ она тово стоитъ? по справедливости я весьма несчастливъ. Чѣмъ больше имѣю я честь васъ видѣть, и съ вами разговаривать, тѣмъ пуще показываете вы неудовольствіе ваше. Скажите мнѣ пожалуйте, что васъ безпокоитъ? Я вить не хочу быть похитителемъ вольности вашей. Никакъ, я ни мало не ласкаю себя полученіемъ вашего сердца. Я хочу любить васъ безъ всякой награды и безъ всякой надежды. Не ужъ ли вы и етова удовольствія мнѣ не желаете?

ЮЛІЯ.

Не думала я, чтобъ вы столько великодушны были. Коли вы желаете любить меня безъ оковъ моихъ, такъ мнѣ похвала ваша весьма нравится. Вотъ все тутъ; что я вамъ сказать могла. Не упрекайте меня больше моею угрюмостью. Я васъ сей часъ оставлю.

ДАМИСЪ.

Да что вамъ сдѣлалось моя любезная.

ЮЛІЯ (безпокойно)

Я право сама не вѣдаю. Мнѣ скучно, и кажется, какъ будто я нынѣшней день на

тоску себѢ опредѢлила. Прошу васъ не дѢлайте мнѢ севодни никакого почтенія. Ето для меня не учтиво, что я такъ невесело съ вами разговариваю, поелику вы у насъ гость. Но Богъ знаетъ, кажется, что и сама я въ етомъ не виновата. Я прикажу сварить себѢ чашку кофію. Можетъ быть етимъ прогоню я грусть свою. А вы пожалуйте неходите скоро за мною, чтобъ Шарлотта не сдѢлала мнѢ какихъ насмѢшекъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ДАМИСЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Ну, господинъ Дамисъ, каковъ успѢхъ вашъ въ любви? Вы плачите? Возможно ли?

ДАМИСЪ.

Желайте мнѢ сего благополучія, ето слезы того желанія, которое весь духъ мой услаждаетъ. Еслибъ слышали вы какъ любезная моя говорила! ежелибъ видѢли вы то принужденіе, которое она сердцу своему дѢлала, чтобъ его не открыть! на конецъ откровенно призналась, что она безпокойна. О небо! съ какою приятностію, съ какою непорочностію говорила она! Она вѢрно меня любитъ, но сама себѢ въ томъ не вѢритъ. Скажите, любезная Шарлотта, что намъ . .

ШАР-

ШАРЛОТТА.

Для чевоже не выговорили?

ДАМИСЪ.

Дайте мнѣ прежде подумать о моемъ благополучіи. Она называла безпокойствіе свое угрюмостью. Она просила меня, чтобъ я для етова не оказывалъ ей ни какого почтенія. Ето слово выговаривала она такимъ голосомъ, которой изъявлялъ любовь. На конецъ безвинно сказала, что она хочетъ приказать сварить себѣ чашку кофію, чтобъ тѣмъ разогнать туманъ ея мыслей.

ШАРЛОТТА.

Бѣдниникая! еслибъ кофій могъ быть лѣкарствомъ отъ сердечнаго безпокойства, такъ бы мы не многимъ душевнымъ недугамъ подвержены были. Теперь скоро она почувствуетъ, какова любовь и вольность. Печаль, которая изъ поступокъ ея видна, кажется мнѣ, что значитъ уже то, что она не въ силахъ защищать свою вольность. Перемѣняйтесь теперь опять помаленьку въ жениха. Чтобъ не вдругъ такое наказаніе чувствительно ей было.

ДАМИСЪ.

Ета перемѣна очень для меня сродна: но я тово опасаюсь, чтобъ Юлія не пришла опять въ прежную робость, когда въ присутствіи многихъ свидѣтелей подтверждать

 будетъ

будетъ любовь свою Она, оставивъ меня, просила, чтобъ я не шелъ скоро за нею, чтобъ вы не сдѣлали ей какихъ насмѣшекъ. Вотъ сколь она робка!

ШАРЛОТТА.

Да, можетъ быть ето не иное что значитъ, если на ея языкъ перевести, какъ то: не ходите скоро за мною, чтобъ сестрица не такъ примѣчать могла, что я де васъ люблю. Невѣста ваша не любви боится, но званія ея, еслибъ меньше она отъ природы имѣла стыда, такъ бы любовь ея была весьма примѣтна. Но статься можетъ не столькобъ ею могли плѣняться. Можетъ быть у женщинъ нѣжность такова, какъ и наружныя ихъ прелести, когда они нравиться должны.

ДАМИСЪ.

Что вы думаете, любезная сестрица, долженъ ли я . . . но какимъ образомъ? я уже называю васъ сестрицею, и опасаюсь притомъ просить у васъ извиненія?

ШАРЛОТТА.

Я погрѣшность вашу тотъ часъ поправлю, братецъ, сударь, вы мнѣ ничево не сдѣлали. Но что вы хотѣли сказать.

ДАМИСЪ.

Не спрашивайте. Я опять позабылъ. Мысли мои весьма заняты постороннимъ предметомъ. Юлія мыслитъ, думаетъ и говоритъ

ритъ во мнѣ. И съ того времени, какъ я ее видѣлъ въ печали, охотно принялъ и я на себя такуюже грусть. Конечно сердце сердцу вѣсть подаетъ; когда я предвижу мое благополучїе, такъ я веселюсь. Когда вижу, что Юлїя меня любитъ, такъ я видя ето печалюся, поелику сама она сокрушается. Какое новое открытїе въ сердцѣ моемъ!

ШАРЛОТТА.

Лучшаго совѣту подать я вамъ не могу кромѣ етова. Слѣдуйте склонности вашей, не истребляйте етой печали, въ прочемъ будетъ вамъ много безпокойства. Она сама собою ослабѣетъ, и перемѣнится опять въ радость.

ДАМИСЪ.

Меня страхъ беретъ и я думаю, что, если опять увижу я Юлїю, такъ языкъ у меня со всѣмъ отымется.

ШАРЛОТТА.

Ето легко станется. И Юлїя можетъ быть таковажъ будетъ. Я бы желала теперь обоихъ васъ видѣть, только чтобъ вы меня не примѣтили. Вы будете съ обоихъ сторонъ въ глубокой задумчивости. Вмѣсто разговоровъ станете вздыхать. Ваши взаимные вздохи будутъ ослабѣвать отъ рабныхъ взоровъ, и тѣмъ больше будете придавать имъ силы. Станете просить другъ друга оставить, и другъ другу подать случай быть вмѣстѣ. И

статься можетъ взаимное ваше сѣтованїе перемѣнится больше, нежели въ дружескїе поцалуи. Кажется мнѣ, что сестрица идетъ. Я мѣшать вамъ не стану.

(*Уходитъ и останавливается при наступающемъ явленїи скрытно*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЮЛІЯ, ДАМИСЪ.

ЮЛІЯ.

Не была ли сестрица моя у васъ? гдѣ она?

ДАМИСЪ. (*Въ глубокой задумчивости.*)

Она пошла и сказала, что она мѣшать намъ не станетъ?

ЮЛІЯ.

Не станетъ намъ мѣшать? что ето значитъ?

ДАМИСЪ.

Извините меня, сударыня, что я поторопился. Ахъ любезная Юлїана!

ЮЛІЯ.

Вы поторопились, а откуда? но . . . да . . . я оставлю васъ. Вы въ великой задумчивости.

ДАМИСЪ.

Вы хотите меня оставить! любезная Юлїана! меня . . .?

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Любезная Юлїана, вить вы прежде такъ меня не называли? вы забываетесь. Я хочу васъ оставить.

ДАМИСЪ.

Пожалуйте еще не уходите. Мнѣ съ вами гораздо много кое о чомъ переговорить надобно. Ахъ много!

ЮЛІЯ.

Да о чемъ? вы удерживаете меня противъ воли моей. Развѣ вамъ что сдѣлалось? что вы хотите сказать? Извольте говорить.

ДАМИСЪ (*съ робостїю*).

Любезная Юлїяна!

ЮЛІЯ (*плюбленчымъ голосомъ*).

Юлїана! ето имя слышу я уже въ третїй разъ. Вы опять молчите. Я пойду (*уходитъ*). Онъ смотритъ въ слѣдъ печально (*а она оглядыпается*). Конечно съ вами что нибудь важное сдѣлалось. Могуль я объ етомъ знать. (*Онъ къ ней подходитъ.*)

ДАМИСЪ.

Если бы вы на меня не прогнѣвались, то бы я вамъ сказалъ. Но нѣтъ . . я чрезъ ето потеряю вашу ко мнѣ благосклонность, и . . . (*цѣлуетъ ей руку и удерживаетъ ее*) нѣтъ,

мнѣ нѣчево вамъ сказать. Ахъ! вы печалитесь, любезная Юліана!

ЮЛІЯ (*смотря на него весьма пристально.*) Никакъ, я не печалюсь; но я ужаснулась увидѣвъ васъ въ такомъ изумленіи. Да . . конечно я не печалюсь. Я гораздо терпѣлива. Желалабъ я, чтобъ и вы таковыжъ были. Не держите меня за руку я пойду. Мнѣ надобно найти сестрицу свою и ей сказать . .

ДАМИСЪ.

Что вы хотите сказать ей? моя любезная!

ЮЛІЯ.

Я хотѣла ей сказать . . . что батюшка ее спрашиваетъ и,

ДАМИСЪ.

Батюшка? радость моя!

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, я солгала, господинъ Сигизмундъ ее спрашивалъ; онъ хочетъ съ нею видѣться и меня просилъ . . . (*глядитъ на него*) Вы право такъ смутны кажетесь, что объ васъ сожалѣть . . . (*оборачиваетъ лицо въ сторону*)

ДАМИСЪ.

Любезная Юліана! ваше сожалѣніе . . . вы приводите меня въ жесточайшую печаль.

ЮЛІЯ.

Да, и вы меня печалите. Для чево вамъ меня удерживать? о чомъ плакать? (*скрываетъ*

етъ свои слезы). Что вамъ сдѣлалось? пожалуйте не держите меня.

ДАМИСЪ.

Хорошо, сударыня.

ЮЛІЯ (*про себя.*) онъ уходитъ?

ДАМИСЪ (*поротившись назадъ*).

Мнѣ можно ли знать моя любезная, что сдѣлалось съ вами? до сбѣда вы не были такъ печальны.

ЮЛІЯ.

Я сама не вѣдаю. Вить вы хотѣли итти. Развѣ безпокойствіе мое васъ тревожитъ? Скажите мнѣ, для чево вы . . . вы ни чево не говорите.

ДАМИСЪ.

Я?

ЮЛІЯ.

Вы, сударь. Какъ же печаль украшаетъ лице ваше!

ДАМИСЪ.

Ахъ Юліана!

ЮЛІЯ.

О чемъ вы вздыхаете? вы забываетесь. Еслибъ сестрица опять сюда пришла! подумайте, еслибъ увидѣла она васъ въ такомъ смущеніи, и меня . . . то чтобъ она сказазала? (*Шарлотта выходитъ изъ за театра.*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢЖЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Я бы сказала, что печальными вопросами и слезами можно весьма удобно другъ другу изъявлять любовь, не употребляя тутъ слова любовь, большебъ я не сказала.

ЮЛІЯ.

Какіяжъ насмѣшки! я пойду.

ШАРЛОТТА.

Ето давно я слышала, что ты итти хотѣла, однакожъ . . .

ЮЛІЯ.

А я право не вѣдала (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДАМИСЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Жалко мнѣ, что я вамъ помѣшала, но отъ радости болѣе тамъ быть не могла. Можетъ ли что милѣе сего быть, какъ видѣть двухъ нѣжно влюбленныхъ особъ, которыя

любясь, не отваживаются взаимную другѣ другу открыть любовь? Что, сударь, мнѣ кажется, что я не худо выдумала проектѣ нѣжной вашей судьбы? Еслибѣ я еще нѣсколько минутѣ подождала, то бы взаимное сѣтованіе ваше дошло точно до нѣкоторыхѣ дружескихѣ лобызаній.

ДАМИСЪ.

Объ етомѣ я сомнѣваюсь. Я по справедливости былѣ весьма печаленѣ, да и теперь не совсѣмѣ еще веселѣ.

ШАРЛОТТА.

Да, я ето вижу, и думаю, что вамѣ теперь скучно будетѣ разговаривать со мною. Воротите какѣ можно поскорѣе вашу печальную приятельницу. Я обоихѣ васѣ развеселю.

ДАМИСЪ.

Хорошо, сударыня, я ее ворочу.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ШАРЛОТТА, СИМОНЪ.

СИМОНЪ.

Прошу меня извинить, сударыня, что я безѣ докладу кѣ вамѣ вошелѣ. Радость побудила меня принять такую дерзость. Не вы ли невѣста господина Дамиса?

ШАР-

ШАРЛОТТА.

А на что вамъ, сударь, хотябъ я была его невѣста, такъ что . . . .

СИМОНЪ.

Такъ имѣю честь объявить вамъ, что умершая ваша тетушка отказала вамъ въ своей духовной всѣ свои отчины. Объ етомъ получите вы севоднижъ изъ ратуши извѣстіе. Духовная объявлена, и вашъ крестной отецъ г. Надворной Совѣтникъ, которой былъ при объявленіи ея, приказалъ мнѣ объявить объ етомъ напередъ вашему батюшкѣ, прежде нежели укрѣпятъ ихъ за нимъ приказнымъ порядкомъ.

ШАРЛОТТА.

Возможно ли? Тетушка стократно исполнила свое обѣщаніе. Сколь же счастлива сестрица моя! Етова она по справедливости достойна. Ето особливая судьба. Вы привели меня, сударь, въ наичувствительнѣйшую радость. Не я невѣста господина Дамиса. Но не уповаю, чтобъ вѣсть ета столько меня обрадовать могла, еслибъ до самой меня она касалась.

СИМОНЪ.

Однимъ словомъ, сударыня я невѣдаю, которая изъ васъ сдѣлаетъ г. Дамиса благополучнымъ. Однако довольно тово, что меньшая дочь г. Клеона наслѣдницею всѣхъ отчинъ, которыя стоятъ больше пятидесяти тысячь талеровъ.

ШАР-

ШАРЛОТТА.

Ето сестрица моя. Какъ етому я рада!

СИМОНЪ.

Я сожалѣю, что я не могу и вамъ принесть такойже радостной вѣсти. Я бы весьма охотно желалъ. А гдѣ вашъ батюшка?

ШАРЛОТТА.

Я васъ сей часъ къ нему провожу. Но прежде намѣрена я попросить васъ объ одномъ дѣлѣ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе: дозвольте мнѣ прежде увѣдомить объ етомъ счастливомъ наслѣдствѣ мою сестрицу и господина Дамиса. Ето для меня чрезвычайное увеселеніе, видѣть другихъ въ радости, и еслибъ я была достаточна, то думаю что я ни чевобъ не пощадила на то единственно, чтобъ видѣть людей въ радости. Сдѣлайте для меня одолженіе, дозвольте мнѣ сестрицу мою объ етомъ благополучіи увѣдомить.

СИМОНЪ.

Весьма охотно. Такую благородную любовь рѣдко между сестрами найти можно. Я ужасаюсь! Я вѣдалъ, сударыня, что не вы невѣста господина Дамиса, но желалъ объявленіе мое симъ притворнымъ незнаніемъ сдѣлать для васъ сноснѣе. Я думалъ, что вы испужаетесь и будите безпокоиться благополучіемъ вашей сестрицы. Но вижу

со всѣмъ иное, и желаю, чтобъ вы были невѣстою Дамиса, и счастливою наслѣдницею г. Стефанши.

ШАРЛОТТА.

Если тѣмъ отъ васъ похвалу заслужить можно, чтобъ не быть завистливою и имѣть склонность къ человѣколюбію, то я уповаю, что я во весь вѣкъ мой удержу ваше благоволенїе. Такъ вы сестрицѣ моей и г. Дамису о наслѣдствѣ не скажете, а поручаете ето мнѣ?

СИМОНЪ.

Я и батюшкѣ объ томъ ни слова не скажу, если сами вы объявить ему желаете; да вотъ онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢЖЪ, КЛЕОНЪ, СИГИЗМУНДЪ.

КЛЕОНЪ.

Дражайшїй приятель, я съ господиномъ Дамисомъ искалъ уже васъ въ саду. Я видѣлъ какъ вы шли на дворъ, и думалъ, что вы въ саду изволите пить кофїй. Радуюсь, что вы пожаловали. Сердечно радуюсь.

СИМОНЪ.

И я радуюсь, что вижу васъ въ добромъ здравїи, да и то не меньше меня веселитъ, что

что я буду свидѣтелемъ нынѣшней радости вашей.

ШАРЛОТТА.

Ахъ любезный батюшка! ахъ любезный господинъ Сигизмундъ! сказать ли, господинъ Симонъ?

СИМОНЪ.

Если вы скажете, такъ ето и для меня такая же новинка будетъ, какъ будто самъ я еще онаго не зналъ.

КЛЕОНЪ.

Ну, говори что такое? любезная дочь! кому прежде сказать хочешъ, мнѣ, или любезному моему сосѣду? Кто тебѣ милѣе кажется?

ШАРЛОТТА.

Изъ почтенія надлежалобъ мнѣ прежде объявить вамъ батюшка. А по приятству должно сказать любезному вашему сосѣду. Добро, я раскажу вамъ обоимъ, что мнѣ теперь господинъ Симонъ сказалъ. Умершая наша тѣтушка отказала въ духовной своей всѣ вотчины Юліи. Духовная уже объявлена, и мой крестной отецъ, господинъ надворной совѣтникъ, прислалъ господина Симона вамъ объявить.

КЛЕОНЪ.

Благодарить Бога! ета радость приводитъ меня въ восхищеніе. Объ етомъ я ни когда не помышлялъ. Покойница была гораздо до нее добра. Царство ей небесное. Всѣ вотчины?

СИГИЗМУНДЪ.

Весьма изрядно. Честная госпожа!

СИМОНЪ. (*Клеону*).

Я уже именемъ вашимъ выпросилъ копїю съ духовной, и надѣюся къ вечеру ее получить. Да и вы такъ же получите скоро отказную по судному порядку.

КЛЕОНЪ.

Ето великая диковинка. Стану подавать бѣднымъ милостыню. Но тебѣ, любезная дочь, ни чево недосталось?

ШАРЛОТТА.

Мнѣ? Еслибъ я счастлива была, батюшка, такъ бы небо и меня такимъ благополучїемъ наградило. Я и такъ довольно благополучна. Не такъ ли? какъ вы думаете господинъ Сигизмундъ?

СИГИЗМУНДЪ.

Что вы не меньше сего достойны, какъ и сестрица ваша.

КЛЕОНЪ.

Господинъ Симонъ, вы писали ко мнѣ въ письмецѣ, что вы еще радостную вѣсть получили. Пожалуйте со мною въ садъ, объявите мнѣ ее. Ета между собою несогласная чета и безъ насъ помирится, или пускай за нами идутъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ШАРЛОТТА, СИГИЗМУНДЪ.

ШАРЛОТТА.

Еслибъ не столько я на ваше великодушіе надѣялась, такъ бы я съ превеликимъ страхомъ сказалабъ вамъ о великомъ благополучіи сестрицы моей. Но я вѣдаю, что вы меня въ разсужденіи ея не меньше почитаете. Судьба наша состоитъ въ рукахъ провидѣнія. Оно завсегда надѣляетъ насъ благоразумно, хотя не въ то самое время, когда мы желаемъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Я весьма легко, сударыня, позабуду счастіе, ежели владѣть буду вашимъ сердцемъ. Станемъ надѣяться. Извините меня, что я и теперь въ такомъ же безпокойствѣ. Я долго рвзговаривалъ съ вашимъ батюшкою, но не знаю право, что . . .

ШАРЛОТТА.

Если вы меня не меньше любите, сколько я васъ, такъ мнѣ неудивительно, что такой день, какъ нынѣшней, въ которой дѣлаются такія распоряженія, возбуждаетъ въ васъ нѣкоторыя желаніи и причиняетъ безпокойство. Положитесь на провидѣніе. Сево дни ровно годъ, какъ вы чрезъ несчастливую тяжбу послѣ покойнаго отца вашего,

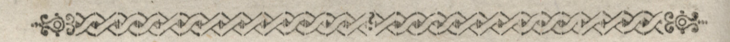
лишились своего имѣнія. Статься можетъ ета мысль васъ тревожитъ. Но чрезъ годъ можетъ быть будетъ опять такой же день, какъ нынѣшней. Говорили ли вы съ сестрицею, и въ пользу господина Дамиса притворялись ли нѣжнымъ?

СИГИЗМУНДЪ.

Ни какъ, поелику я въ такой разстройкѣ, то . . .

ШАРЛОТТА.

Хорошо, что вы етова и не сдѣлали. Кажется, что сердце ея не требуетъ уже больше понужденія. Но не сказывайте еще ей о наслѣдствѣ. Я призову ее сюда, и скажу при васъ ей и ея жениху.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

СИГИЗМУНДЪ ОДИНЪ.

Какая ужасная вѣсть! . . Юлія. Всѣ вотчины! Юлія . . которая столько имѣетъ прелестей, такую красоту и приятность! еслибъ не зналъ я достоинствъ Шарлотты: такъ бы Юлію . . . но Юлія не столько ли добродѣтельна . . . великодушна . . . благоразумна . . . непорочна . . . ? не самая ли въ ней обитаетъ постоянность? а Шарлотта не уже ли ея хуже? или . . . небо, гдѣ я? проклятая любовь, сколь меня мучишь? должно

жно ли противЪ воли своей быть невѣрну... для чево Шарлоттѣ недосталось такое богатое наслѣдство? развѣ тютушка больше вЪ меньшой заслугѣ находила? Я бѣдной! я безвинно потерялЪ великое свое имѣніе... но развѣ я менѣе достоинствЪ имѣю, нежели ДамисЪ? вить Юлія противится ево любви... развѣ вЪ етомЪ какой грѣхЪ. ВиновенЪ ли я, что она меня прельщаетЪ? развѣ желанїи мои предосудительны, когда они статься можетЪ сЪ желаніями ея сходствуютЪ? о небо! она идетЪ одна.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАТЦАТОЕ.

СИГИЗМУНДЪ, ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Сестрица моя сказала, чтобЪ я дожидаласЬ ее здѣсь у васЪ. Она ищетЪ господина Дамиса, а потомЪ придетЪ сюда и скажетЪ намЪ нѣчто радостное.

СИГИЗМУНДЪ.

Между тѣмЪ не скучно ли вамЪ у меня будетЪ?

ЮЛІЯ.

Мнѣ? у васЪ? ни мало, сударь, вы обходитесь сево дни со мною весьма дружески. И я думаю, что вы не почтете етова за какую тайну, чтобЪ не признались мнѣ вЪ

томъ, что вы любите меня, хотя не столько, сколько сестрицу мою.

СИГИЗМУНДЪ (*цѣлуетъ ей руку.*)

Вы для меня довольно полезно говорите, любезная невѣста.

ЮЛІЯ.

Развѣ я невѣста? объ етомъ мнѣ еще ни одинъ человѣкъ не говорилъ. Ни какъ сударь, такъ меня не называйте. Можетъ быть, что я къ господину Дамису склонна, но могу ли для того быть ево невѣстою? Нѣтъ, онъ столько имѣетъ ко мнѣ почтенія, что почти уже ни когда о любви больше не говоритъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Но еслибъ я сколько нибудь проговорился вамъ о любви. Не ужлибъ вы на меня такъ же прогнѣвались? Вы не знаете сколь я васъ . . . однако . . .

ЮЛІЯ.

Васъ я ни мало не опасаюсь. Пока сестрица еще на свѣтѣ, такъ изъявленіе вашей любви не много значитъ. Вамъ хочется конечно меня вывѣдать; но ни чево не узнаете.

СИГИЗМУНДЪ.

Я бы желалъ, моя любезная, чтобъ слова мои были притворныя; но ахъ нѣтъ! развѣ вы думаете, чтобъ . . .

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

А чтобъ ?

СИГИЗМУНДЪ.

Чтобъ глядя на васъ быть не чувствительну?

ЮЛІЯ.

Вы играете ролю господина Дамиса, какъ я вижу.

СИГИЗМУНДЪ.

По етому и я буду весьма несчастливъ, поелику роля ево вамъ не нравится.

ЮЛІЯ.

Но что же вы съ сестрицою моею чрезъ то потеряете, если я не исполню желаній вашихъ ?

СИГИЗМУНДЪ.

Статься можетъ я бы выигралъ. Можетъ быть увидѣлибъ вы намѣренія откровеннѣйшаго сердца. Я васъ почитаю, однако . . . какъ могу я сказать вамъ то, что чувствую !

ЮЛІЯ.

Вы весьма изрядно представлять можете другую особу. Но любовь и въ шуткахъ меня безпокоитъ. Не знаю гдѣ сестрица моя. Я бы желала знать, что она мнѣ сказать хотѣла ; она отъ радости цѣловала меня. Должно быть чему ниесть важному. Я поищу ее, подождите не множко.

ЯВЛЕНІЕ ДВЕНАТЦАТОЕ.

СИГИЗМУНДЪ ОДИНЪ.

Едакой я срамецъ! что я сдѣлалъ? развѣ я сталъ искреннѣйшей душѣ невѣрнымъ, которая съ восхищеніемъ меня любитъ? я?.. но сколь прекрасна, сколь прелестна Юлія! она еще ево не любитъ . . . а ко мнѣ, ко мнѣ она склонна? но разумъ . . . пусть онъ молчитъ . . пусть сердце мое повелѣваетъ . . развѣ не сама Шарлотта заставила меня притворятся нѣжнымъ предъ Юліею? развѣ тѣмъ нарушу я мою къ ней вѣрность? какъ? она опять идетъ? ищетъ меня нарочно?

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАТЦАТОЕ.

СИГИЗМУНДЪ, ЮЛІЯ, МАГИСТЕРЪ.

ЮЛІЯ (*Сигизмунду*).

Сестрица не хочетъ ни чево мнѣ прежде сказать, покамѣстъ не придетъ опять господинъ Дамисъ. Онъ пошелъ на полчаса домой, а вы пожалуйте подите къ батюшкѣ.

СИГИЗМУНДЪ.

Я приказъ вашъ исполню, сударыня. Но можно ли мнѣ надѣяться?

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Поелику вы приняли на себя видъ жениха: такъ я и отвѣчаю вамъ въ видѣ невѣсты: поговорите объ етомъ съ батюшкою.

МАГИСТЕРЪ.

Да, господинъ Сигизмундъ, братецъ мой васъ ждетъ, пожалуйте подите къ нему, а мнѣ хочется поговорить еще съ племянницею на единѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ЮЛІЯ, МАГИСТЕРЪ.

ЮЛІЯ.

Скажите мнѣ пожалуйте дядюшка, какую новинку сестрица мнѣ сказать хотѣла?

МАГИСТЕРЪ.

Никакъ, я совсѣмъ ею не видалъ. Я иду изъ моего учебнаго покоя. Я читалъ отъ скуки Нѣмецкія басни. Коли изволите послушать, такъ я вамъ одну басенку прочту, которая мнѣ очень понравилась. Я вѣдаю, что вы охотно слушаете разумныя вещи.

ЮЛІЯ.

Правда, дядюшка, только не севодни, поелику я весьма безпокойна. Вы прежде мнѣ

басенъ никогда нечитывали. Какъ ето севодни вамъ вздумалось ? да, я напередъ знаю, что вамъ надо мною подшутить хочется, поелику вы видѣли, что я читала басни Фонтеневы, или Гагедорновы.

МАГИСТЕРЪ.

Вы справедливо говорите. Я больше почитаю разумныя книги. А простыя для свѣту всегда лучше, нежели разумныя. Но какъ разумъ не всегда принуждать можно, то позволяется читать иногда сколько ниесть простыя сочиненія. Не изволитель послушать басенки ? Она называется солнце.

ЮЛІЯ.

Я уже много басень о солнцѣ читала ! Я словамъ вашимъ вѣрю, что она хороша. Только вы мнѣ ее не читайте.

МАГИСТЕРЪ.

Я не вѣдаю, любезная племяненка, что за скука севодни на тебя напала. Для пользы твоей трачу я драгоцѣнные мои часы. Я стараюсь о твоемъ благополучіи, и спокойствіи, а ты столь нечувствителна, что каждую минуту за то меня озлобляешъ? развѣ ты почитаешъ меня ни зачто. Не заслуживаютъ ли намѣреніи мои по меньшой мѣрѣ твоего вниманія ? Развѣ долгъ родственнаго союза недовольно тебя мнѣ обязываетъ ? Для чегожъ ты мнѣ прекословишъ?

вишъ? Развѣ я въ томъ сколько нибудь виноватъ, что ты по естественному закону обязана вытти за мужъ? Развѣ я выдумалъ ту покорность, которую ты твоему отцу и мнѣ дѣлать должна? Не содержится ли ето въ вѣчномъ законѣ разума?

ЮЛІЯ.

Вы браните меня, дядюшка, только по ученому, и для того считаю я себѣ за удовольствіе. Если вамъ прозьба моя непротивна, такъ пожалуйте прочтите мнѣ ту басенку? а я пойду опять къ моей сестрицѣ. Вы вѣдаете, сколь я васъ почитаю!

МАГИСТЕРЪ.

Какъ не вѣдать? хотя ты не самой острой разумъ имѣешъ: однако доброе сердце. И ябъ ударился объ закладъ, что, еслибъ ты вмѣсто бремскихъ прибавленій и другихъ такихъ маловажныхъ сочиненій, читала систиматическую нравоучительную философію, такъ бы ты скоро инако думать стала. Когдабъ ты побужденіи воли и ихъ свойства по философіи разбирать знала, то бы ты увидѣла, что побужденіе любви есть главное побужденіе, и слѣдовательно . . . .

ЮЛІЯ.

Вы очень много о любви мнѣ говорите. Конечно вы съ молодыхъ лѣтъ такъ же любили? Да знаете ли точно любовь? Что она зна-

значитъ? Загадка, которой ни кто отгадать не можетъ.

МАГИСТЕРЪ.

Какъ разумъ довольную имѣетъ способность проницать въ союзъ вещей, такъ и любовь есть взаимное согласіе двухъ лицъ въ одномъ намѣреніи. Кажется мнѣ, что ета идея полная, или сказать тебѣ другое опредѣленіе?

ЮЛІЯ.

Ни какъ, сударь, и етова для меня довольно. Раскажите ка мнѣ лучше басенку. Мнѣ надобно итти къ моей сестрицѣ.

МАГИСТЕРЪ.

Да, да, и справедливо. Басню легче понять можно, нежели вещественное опредѣленіе. Она коротенька, и похожа больше на аллегорію, нежели на басню. Изволишь послушать.

Солнце влюбилось нѣкогда, какъ повѣствуютъ, въ луну. Оно изъявляло ей нѣжнѣйшіи свои желаніи; но луна по свойству своему была всегда холодна и нечувствительна. Смѣялась надъ всѣми причинами, которыми ее другія ближнія планеты, склониться къ солнцу въ любовь уговаривали. Скрытная надменность заставляла ее быть суровою, хотя ей и приятна была любовь солнца, и гордиться своимъ прекраснымъ и прелестнымъ лицомъ, покамѣстъ божество

по

попрозбѣ солнца необезобразило пятнами красотъ лица ея. И ето то тѣ пятна, которыя мы и теперь видимъ на лицѣ Луны. Вотъ басенка. Какова она тебѣ кажется?

ЮЛІЯ.

Я чувствую, что она не по моимъ мыслямъ, и что сочинитель ея много еще такихъ же басень сочинитъ. Но я не уповаю, чтобъ вы въ правду повѣствованіе ето почитали хорошимъ.

МАГИСТЕРЪ.

подлинно, что разумъ въ разумныхъ вещахъ не можетъ показывать силы своей. Но что, еслибъ я ету басню самъ сочинилъ?

ЮЛІЯ.

Такъ бы я сама на себя клала вину, для чего она мнѣ не нравится.

МАГИСТЕРЪ.

Ты очень хорошо увертки знаешь. Я признаюсь тебѣ, что ето моя выдумка. Етимъ я не хвастаю: ибо и не ученые люди имѣютъ разумъ. Изволька ету басенку разрѣшить? какое въ ней содержится нравоученіе?

ЮЛІЯ.

Вы сами дядюшка наилучше изъяснить мнѣ можете.

МАГИ-

МАГИСТЕРЪ.

Въ ней содержится конечно такое нравоучение: пригожей женщинѣ, которая долгое время выбираетъ жениховъ, должно опасаться, чтобъ старость не испортила на конецъ красотъ лица ея.

ЮЛІЯ.

Вы севодни очень остроумны, дядюшка. Я примѣчаю, что дѣло до меня доходитъ. Подъ именемъ луны разумѣете вы меня, господина Дамиса называете солнцемъ, а себя и сестрицу мою, разумѣете планетами. Несправедливо ли я отгадала?

МАГИСТЕРЪ.

Я вижу, что ты очень хорошо отгадываешъ тогда, когда кто предлагаетъ тебѣ мысли свои примѣрами. Подумайка, любезная племяненка объ етой баснѣ и больше непрошився любви господина Дамиса. Что мнѣ теперь сказать твоему батюшкѣ?

ЮЛІЯ.

Скажите ему, что я, сколько мнѣ ни грусно было, однако смѣялась надъ вашею баснею. Прощайте сударь дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

МАГИСТЕРЪ, КЛЕОНЪ, СИГИЗМУНДЪ.

КЛЕОНЪ.

Что братецъ, говоритъ Юлія? Я думаю, что она безъ басенъ твоихъ къ любви вознамѣрилась.

МАГИСТЕРЪ.

Ее ни какъ не уговоришъ. Я не вѣдаю, къ чему я для едакой своенравной дѣвчонки столько стараюсь. Лучше въ наказаніе оставить тово при своемъ мнѣніи, ково ни философическими доказательствами, ни острыми выдумками уговорить не можно. Больше я ей ни слова говорить не стану. Вотъ таково то послѣ бываетъ, когда кто дѣтямъ своимъ не преподаетъ заблаговременно основательнаго познанія въ нравоученіи. Я неоднократно самъ назывался, чтобъ учить дочерей твоихъ думать, и чтобъ показать имъ главныя причины вещей. Но нѣтъ, тебѣ хотѣлось, чтобъ они имѣли только остроту, а не благоразуміе.

СИГИЗМУНДЪ.

Ето сказано, сударь, нѣсколько безрасудно. Развѣ Юлія не довольно разумна?

МАГИСТЕРЪ.

Да, для чего только Юлія? Я васъ, сударь разумѣю. Въ иное время буду имѣть честь

вамъ

вамъ отвѣчать. Теперь уже время мнѣ итти преподавать лекціи.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСНАДЦАТОЕ.

КЛЕОНЪ, СИГИЗМУНДЪ.

КЛЕОНЪ.

Не знаю кому вѣрить, магистру или Шарлоттѣ? Ета говоритъ, что она Дамиса любитъ, а тотъ говоритъ иное. Кажется человѣкъ онъ разумной. Неужъ ли не можетъ хорошо войти въ дѣло? Скажите мнѣ откровенно, господинъ Сигизмундъ, какова вы объ етомъ мнѣнія.

СИГИЗМУНДЪ.

Я почти тоже думаю, что Юлія Дамиса не очень терпѣть можетъ.

КЛЕОНЪ.

Да чтожъ изъ етова будетъ? Еслибъ знала она уже о наслѣдствѣ, такъ бы думалъ я, что етимъ она гордится. Господинъ Дамисъ столько честенъ, что и тогда хотѣлъ ее за себя взять, когда она была бѣдна. Теперь бы надлежало ей, когда она пришла въ лучшее состояніе, въ знакъ благодарности за нево выттщи. Можетъ быть она еще согласится.

СИГИЗ-

СИГИЗМУНДЪ.

Вить вы вѣдаете, что отъ принужденнаго супружества худые бываютъ плоды.

КЛЕОНЪ.

Добро, еще все благополучно будетъ. Я надѣюся на судьбу. Я бы хотѣлъ, господинъ Сигизмундъ, если вы желаніе имѣете взять за себя другую дочь мою Шарлотту, вдругъ обѣихъ сговорить.

СИГИЗМУНДЪ.

Да, еслибъ обстоятельства мои . . . На мнѣ есть еще должку сотня другая рублей . . .

КЛЕОНЪ.

Ето некакая бѣда; у Юліи есть теперь вотчины. Она за васъ заплатитъ и дастъ такъ же вамъ довольно денегъ на свадьбу.

СИГИЗМУНДЪ.

Очень хорошо, да . . .

КЛЕОНЪ.

Вы ошибки въ етомъ не сдѣлаете. Она дѣвица не глупа, пороковъ ни какихъ за нею не примѣчено, а при томъ и лицомъ не дурна. Я не даю ей тово знать, что она лучше меня иногда разсуждаетъ. О еслибъ получить скоро копію съ духовной! такъ намѣрены ли вы взять за себя Шарлотту?

СИГИЗМУНДЪ.

Я охотно наето соглашаюсь, и повинуюсь вамъ, какъ отцу моему Но дозвольте мнѣ нѣчто вамъ сказать: мнѣ кажется, что Юлїя больше ко мнѣ склонна, нежели къ господину Дамису; а Шарлотта напротивъ тово кажется, что больше имъ довольнѣе. Я осмѣливаюсь вамъ сказать, что Юлїя теперь же мнѣ говорила, чтобъ я за нее сваталcя и . . .

КЛЕОНЪ.

Что ето я слышу? теперь догадываюсь я, для чево она столько умничала. Для Бога, любезный господинъ Сигизмундъ, скажите мнѣ, что дѣлать. Я умираю, я . . . но однако, Юлїя къ вамъ склонна, а Шарлотта больше еще склонности имѣетъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Такъ, батюшка.

КЛЕОНЪ.

По етому Шарлотта хочетъ двухъ мужей, а господинъ Дамисъ двухъ женъ имѣть? едакое чудо!

СИГИЗМУНДЪ.

Дѣло наше такъ завязалось, что и развязать трудно, а я тутъ со всѣмъ не извѣстнаго человѣка представляю. Но лучше сколько можно объ етомъ помолчать, и отложить свадьбу господина Дамиса еще на недѣлю времени. Можетъ быть Юлїя иное вздумаетъ.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Да съ кѣмъ же мнѣ объ етомъ совѣтовать, какъ не съ вами? витъ мнѣ стыдно.

СИГИЗМУНДЪ.

Еслибъ Шарлотта съ доброй воли господина Дамиса выбрала; такъ бы я благополучїю ея нимало не препятствовалъ. Онъ человѣкъ гораздо достаточный.

КЛЕОНЪ.

Какоежъ въ васъ великодушїе! для меня все равно. Я не меньше вамъ, какъ и господину Дамису наслѣдство получить желаю. Раздѣлъ былъ бы не неравенъ. Шарлотта получилабъ благополучїе чрезъ господина Дамиса, А Юлїя наслѣдствомъ своимъ сдѣлалабъ васъ счастливымъ. Не знаю, что дѣлать.

СИГИЗМУНДЪ.

Такъ не согласитесь ли вы помолвить за меня Юлїю?

КЛЕОНЪ.

Но Шарлотта любитъ васъ больше, нежели меня. Такъ кажется мнѣ несправедливо будетъ, если вы любовь ея презрите. Я не уповаю, чтобъ дочь моя столько была не постоянна. Она сама просила меня нѣсколько разъ объ васъ. Я вамъ съ нею всякаго благополучїя желаю. Она на ето согласна. Не ужъ ли столько она легкомысленна? никакъ, вы несправедливо объ етомъ думаете.

СИГИЗМУНДЪ.

Однако объ етомъ надобно еще помолчать. Я Шарлотту люблю, какъ душу свою, и всѣми мѣрами постараюсь ее получить.

КЛЕОНЪ.

Увидимъ северни. Должно ко всему хорошенько примѣниться. Только я навѣрно надѣюсь, что останемся при перьвомъ намѣреніи. Я нарочно пришлю къ вамъ Шарлотту. Поговорите съ нею, какъ можно понѣжнѣе. Ето ей гораздо будетъ приятно. Самъ я употреблю хитрость еще въ другой разъ, чтобъ Юлію повывѣдать. Я долгонько уже здѣсь позамѣшкался, а господина Симона оставилъ одного. Какъ бы онъ не прогнѣвался.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕНАДЕСЯТЬ.

СИГИЗМУНДЪ ОДИНЪ.

Добро, дѣло пошло на стать. Юлія будетъ моя . . . сколько же она прекрасна, богата и добронравна, простосердечна, благородна . . . но, небо, еслибъ Шарлотта знала мое намѣреніе! не проклиналабъ ли она моего сердца? . . . однакъ нѣтъ. Она вѣрно на меня надѣется. Она меня любитъ . . . но что мучитъ меня? развѣ та досада, которую я ей. . .? безсильныя клятвы вѣрности! васъ небо не внемлетъ . . . о Юлія сколь ты меня плѣняешъ! развѣ желаніе мое несправедливо, чтобъ мнѣ тобою владѣть?

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕНАДЕСЯТЬ.

СИГИЗМУНДЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Вотъ они идутъ вмѣстѣ. Теперь мы имъ скажемъ. Какъ же Юлія обрадуется! а вы, любезный другъ, вы еще меня любите? извините меня въ етомъ дерзкомъ вопросѣ.

СИГИЗМУНДЪ.

Такъ, любезная моя, я люблю, васъ несказанно и взаимною вашею любовію за вѣрность мою предовольно награжденъ. О еслибъ я совершенно васъ благополучною сдѣлать могъ! (*цѣлуетъ ее*). Такому благополучію самые владѣльцы завидывать могутъ. Вотъ они идутъ. Дозвольте мнѣ, любезная моя вытти, батюшка ждетъ меня съ кофіемъ. Какъ бы мнѣ ево не прогнѣвить.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕНАДЕСЯТЬ.

ШАРЛОТТА, ЮЛІЯ, ДАМИСЪ.

ШАРЛОТТА (*Дамису*).

Я бы доставила вамъ изрядную, молодую и любезную дѣвицу съ деревнями, еслибъ вы отъ Юліи отказались.

ЮЛІЯ.

Ето та новость ?

ДАМИСЪ.

Хотябъ дѣвица ваша десять деревень имѣла, но Юлія и въ пастушьемъ шалажѣ былабъ мнѣ милѣе.

ЮЛІЯ.

Что ето ты говоришъ ? послушай ка сестрица. Ни кто еще не узналъ своего счастья ! я желаю тебѣ и другой особѣ всякаго добра.

ШАРЛОТТА.

Ктобъ ето была другая особа ?

ШАРЛОТТА.

Презрядная дѣвица, и хорошаго воспитанія. Имѣетъ деревни, которыя стоятъ около пятидесяти тысячь рублей.

ЮЛІЯ.

Подлинно такъ? да гдѣ она . . . какъ ее зовутъ ?

ШАРЛАТТА.

Она такъ же почти пригожа какъ ты.

ЮЛІЯ.

Не объ етомъ я спрашиваю. Зеркало мнѣ покажетъ, пригожа ли я, или нѣтъ. По етому уже и сестрѣ съ сестрою говорить не можно. Скажи объ етомъ одному господину

Дами-

Дамису. (*хочетъ итти*) А мнѣ тутъ нечѣво дѣлать.

ДАМИСЪ.

Ахъ сударыня, не уходите еще! я съ вами пойду.

ЮЛІЯ.

Не къ стати, сударь. Дѣвица съ деревнями, которая въ васъ влюблена, будетъ на меня сердиться. Вы къ любовнымъ уловкамъ около меня гораздо привыкли. Теперь вамъ уже не столько труда будетъ стоить.

ШАРЛОТТА.

Послушай ка, сестрица. Дѣло вить въ томъ, понравится ли еще та дѣвица, господину Дамису. У ней глаза карїе и большїе, почти какъ у тебя; собою миловидненька, взоръ ея очень прелестетъ. Малинькія полныя кругловатыя ручки (*Юлїя глядитъ на свои руки*). Господинъ Дамисъ ее любитъ. Но она гораздо склонна къ вольности.

ЮЛІЯ.

Что ты объ етомъ говоришъ, сестрица? пожалуй скажи мнѣ, какъ ту дѣвицу зовутъ, въ которую господинъ Дамисъ влюбленъ.

ШАРЛОТТА.

Ее такъ же зовутъ, Юлїею.

ЮЛІЯ.

Охъ! ты надо мною, какъ надъ дурочкою издѣваешся.

ШАРЛОТТА.

Никакъ, сестрица. Чрезъ ето я тебѣ и твоему жениху даю знать о великомъ благополучіи. Умершая наша тетушка отказала тебѣ въ своей духовной всѣ свои деревни. Господинъ Симонъ теперь только принесъ намъ ету вѣсть, и я просила ево, чтобъ онъ мнѣ прежде дозволилъ обоимъ вамъ объ етомъ сказать. Я желаю тебѣ, любезная сестрица къ наслѣдству твоему еще тысячу кратъ благополучія. А вамъ, любезный другъ, желаю мою сестрицу. Сколь я нынѣшней день счастлива!

ЮЛІЯ.

Что, всѣ деревни? А тебѣ ничево? развѣ она не раздѣлила? не можетъ ли отъ сего произойти между нами несогласіе? Для чевобъ ей такъ же и тебѣ чево ниесть не отказать.

ШАРЛОТТА.

Чтожъ дѣлать, когда она лучше тебя любила. Довольно тово, что наслѣдство твое, и для тебя было опредѣлено. Для меня и тово довольно, если я впредь съ возлюбленнымъ моимъ безбѣдно жить буду. Ахъ, сестрица! я знаю, что батюшка всякую минуту будетъ скучать, пока не поздравитъ тебя. Я ево просила, чтобъ онъ прежде тебѣ объ етомъ не сказывалъ, покамѣстъ я съ тобою не переговорю.

ДАМИСЪ.

Я со всѣмъ прихожу въ изумленіе. Статься можетъ, я бы этимъ пользовался благополучіемъ, еслибъ не было духовной. Ахъ, любезная Юлія! не ужъ ли мнѣ лишиться тебя?

ЮЛІЯ.

Сестрица, я раздѣлю наслѣдство мое съ батюшкою и съ тобою. Къ чему мнѣ столько. Да при томъ етова я и не заслуживаю. Печальное наслѣдство! .. Ета вѣсть встрѣвожила меня, и я еще недовольна (*глядитъ на Дамиса*), а вы сударь? ...

ДАМИСЪ.

А вы, моя любезная ...?

ШАРЛОТТА.

Пойдемъ ка, чтобъ опять не началось печальное представленіе. Я уже знаю, что батюшка немножко насъ пожуритъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, КЛЕОНЪ.

КЛЕОНЪ.

Едакія плутовки, гдѣ вы были? Развѣ кофій самъ наливаться станетъ?

ШАРЛОТТА.

Не гнѣвайтесь, батюшка. Дочки ваши были у добрыхъ людей. Мы хотѣли уже къ вамъ итти.

ЮЛІЯ.

Ахъ любезный батюшка . . . .

КЛЕОНЪ.

Что? поздравлять ли тебя съ твоимъ благополучїемъ? Я съ радости уже плакалъ. Благодарила ли ты небо за богатое наслѣдство? любезная дочь. Ахъ Шарлотта, поди ка попроси еще господина Симона, чтобъ онъ постарался достать копїю съ духовной. А вы господинъ Дамисъ потрудитесь съ нимъ же сходить.

ДАМИСЪ.

Весьма охотно. (*онъ идетъ съ Шарлоттою и Юлїею, а отецъ ей даетъ знакъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРЬВОЕ.

КЛЕОНЪ, ЮЛІЯ.

КЛЕОНЪ.

Ну, дочь моя, каково у тебя на сердцѣ! Я думаю, ты теперь очень радуешся, что получила деревни.

ЮЛІЯ.

Правда батюшка, я радуюсь для того, что могу раздѣлить ихъ съ вами и сестрицею.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Любезная дочь! пусть доля твоя будетъ передъ тобою. Если хочешъ что нибудь удѣлить сестрѣ твоей; такъ ето весьма похвально. А я, покуда живъ, буду еще имѣть кусокъ хлѣба въ малинькомъ моемъ домишкѣ. Что говоритъ господинъ Дамисъ? Радъ ли онъ, что ты получила наслѣдство?

ЮЛІЯ

Наслѣдство мое весьма для нево равнодушно.

КЛЕОНЪ.

Ето правда, онъ и самъ гораздо зажиточенъ; но помни то, что онъ тебя тогда еще выбралъ, когда ты была бѣдна. Еслибъ ты вѣдала, сколько мнѣ теперь господинъ Симонъ ево выхвалялъ, такъ бы ты дѣйствительно ево полюбила! Я было думалъ, что онъ не очень ученъ, поелику не такъ красно говоритъ, какъ братъ мой Магистеръ; но г. Симонъ увѣрялъ меня объ немъ, что онъ человѣкъ съ лишкомъ остроумный, и гораздо больше читалъ книгъ, нежели сколько въ году часовъ. Ктобъ объ етомъ подумать могъ.

ЮЛІЯ.

Что онъ ученъ, объ етомъ я давно знала; и что я не учена, то я такъ же вѣдаю. статься можетъ, что онъ ищетъ ученой дѣвицы, а не деревенъ.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Ты смѣшно говоришь. Развѣ дочерямъ столько же надлежитъ быть учонымъ, какъ и сыновьямъ. Вить и ты играешь на лютнѣ, умѣешь хорошо пѣть, знаешь нѣсколько по Французски, письма пишешь складно, и притомъ чистымъ подчеркомъ, танцовать умѣешь хорошо, знаешь хозяйство, изъ себя гораздо не дурна, честной породы, добронравна и скромна; и теперь нарочитой имѣешь достатокъ. Чево еще болѣе мужу надобно? господинъ Дамисъ точно тебя любитъ. Постарайся, чтобъ я его скоро назвалъ моимъ зятемъ, а тебя невѣстою.

ЮЛІЯ.

Невѣстою? етова я батюшка не знаю, развѣ онъ меня любитъ? вы съ лишкомъ много меня выхвалили. Вить сестрица все тоже умѣетъ, да еще и болѣе меня.

КЛЕОНЪ.

Теперь рѣчь идетъ не о твоей сестрѣ. У ней есть господинъ Сигизмундъ, и она большаго себѣ благополучія не желаетъ. Удѣли ей нѣсколько изъ твоево имѣнія: такъ она совершенно будетъ довольна; и я севодни же ее сговорю. Или ты лучше хочешь вытти за господина Сигизмунда.

ЮЛІЯ.

Я? батюшка. За господина Сигизмунда? что ето вамъ вздумалось? Еслибъ я любить хо-

хотѣла, такъ для чегобъ мнѣ не любить господина Дамиса? Развѣ онъ менѣе достоинствъ имѣетъ? и хотябъ тотъ и любезнѣе былъ, чево въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, какъ бы могла я мыслить объ немъ безъ погрѣшенія? когда сестрица моя столько горячо ево любитъ, да и сама не меньше имъ любима.

КЛЕОНЪ.

За ето я тебя хвалю. Я прямо счастливымъ отцемъ назваться могу. (*Треплетъ ее тихонько по щекамъ*) любезная дочь, оставайся при сихъ мысляхъ. Ты будешъ благополучна. Не справедливоль я говорю, ты господина Дамиса гораздо больше любишъ, нежели Сигизмунда? Етотъ кажется мнѣ иногда легкомысленнымъ, или простоватымъ. Я съ господиномъ Дамисомъ только теперь объ немъ разговаривалъ но . . .

ЮЛІЯ.

Если я батюшка, намѣрена буду любить кого, то я даю вамъ мое слово, что я полюблю такова, каковъ г. Дамисъ. Лишъ бы только притомъ не потерять мнѣ моей вольности! Еслибъ знала я, что я уже ево люблю! ни какъ батюшка, я ево еще не люблю. Хотя я богатое наслѣдство получила, но оно меня не гораздо веселитъ. Я опасаюсь, чтобъ мнѣ не занемочь.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Да, ето правда отъ любви заболѣть можно, но взаимная любовь болѣзнь ету изцѣляетъ. Я бы будучи на твоемъ мѣстѣ, на ето согласился, чтобъ только предупредить болѣзнь.

ЮЛІЯ.

Ахъ! батюшка.

КЛЕОНЪ.

Ахъ! не ахай да говори дѣло. Ты ему весьма понравилась. Онъ будетъ тебя любить, какъ душу свою.

ЮЛІЯ.

Да всегда ли я ему буду мила?

КЛЕОНЪ.

На ето ты вѣрно надѣйся. Чево еще сердце твое дрожитъ? или ты опасаешся чтобъ онъ впредь не сдѣлался тебѣ не вѣрнымъ? Ни когда! господинъ Симонъ сказывалъ мнѣ, что возлюбленный твой весьма набожный человѣкъ, и часто говаривалъ, лучше де не быть человѣкомъ, нежели быть не благочестивымъ. Онъ право по гробъ свой любить тебя будетъ. Онъ клятвы своей не нарушитъ.

ЮЛІЯ.

Я не слыхала отъ ево ни какой клятвы. Онъ вѣрно бы мнѣ клялся въ постоянствѣ ево любви, еслибъ онъ меня . . . .

КЛЕОНЪ.

Ето хорошо, что нъ не клянется. Тѣмъ больше ты на ево слова надѣяться можешъ. Публичной сговоръ есть таже клятва въ любви. А ету клятву дастъ онъ севодни, а ты съ своей стороны тоже сдѣлаешъ.

ЮЛІЯ.

Я не могу батюшка скоро къ сему вознамѣриться. Дайте мнѣ еще время хорошенько объ етомъ подумать.

КЛЕОНЪ.

До ужина времени тебѣ довольно. А тутъ должна ты сказать либо такъ, либо нѣтъ. Дѣло идютъ не на шутку. Я открылъ тебѣ мое сердце, и тебѣ дозволяю. Дѣлай что хочешъ. Поди, твой женихъ давно уже тебя ищетъ. Какъ же обѣ мушки приличны къ твоему лицу. Конечно ты со двора ѣздила?

ЮЛІЯ.

Ни какъ батюшка, я за обѣдомъ выпила рюмку вина.

КЛЕОНЪ.

Ето ничево, до крестинъ все пройдетъ. Податка, да и меня веди за руку. Я такъ же хочу, чтобъ невѣста меня вела.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

СИГИЗМУНДЪ, ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Я со всѣмъ тому не вѣрю, о чомъ вы мнѣ говорили.

СИГИЗМУНДЪ.

Да я вѣрю.

ЮЛІЯ. (*въ изумленіи*).

Развѣ онъ вамъ самъ сказывалъ? Я безсчастная!

СИГИЗМУНДЪ.

Онъ мнѣ не ясно сказалъ; однако извѣстно, что онъ Шарлотту гораздо тебѣ предпочитаетъ. Сколь обида ета ни велика, но ябъ охотно ему уступилъ, еслибъ она довасъ при томъ не касалась. Мнѣ васъ жаль, моя любезная. Я надѣюсь на ваше добросердечіе. Вы честность мою наградите тѣмъ, если не обьявите сему непостоянному по крайней мѣрѣ о моемъ имени.

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Не ето ли было причиною печали ево? невѣрный! какая вѣ томѣ ему прибыль, обманывать простое сердце? еслибѣ онѣ во отмщеніе мнѣ захотѣлѣ отнять у меня жизнь: такѣ бы онѣ не столько мнѣ еще ненавистенѣ былѣ. Что же проводитѣ онѣ меня подѣ видомѣ любви и искренности, такѣ ето самое мерзкое дѣло.

СИГИЗМУНДЪ.

Онѣ отѣ етова отопрѣтся, попомните мое слово.

ЮЛІЯ.

О измѣнникѣ! конечно онѣ отопрѣтся. А я обѣ етомѣ преступленіи никогда и слышить отѣ него не захочу. Я наказывать его не стану. Нѣтѣ! совѣсть ево будетѣ мнѣ мстить.. Какѣ? тотѣ? которому я нынѣшней день сердце мое хотѣла.. Нѣтѣ я ево не люблю. Не онѣ ли тысячу разѣ говорилѣ мнѣ, что любитѣ меня? развѣ такѣ мущины вѣ словахѣ своихѣ постоянны?

СИГИЗМУНДЪ.

Никакѣ, сударыня, етому пороку не всѣ мы подвержены. Еслибѣ вѣдали вы, что у меня на сердцѣ! но... гнѣвѣ вашѣ дѣлаетѣ васѣ еще любезнѣйшею.

ЮЛІЯ.

Оставѣ меня, сударь Я хочу... А ты сестрица, что молчишѣ? все ето отѣ тебя,

о любовь, ты язва людей! оставте меня. Я честію божуся вамъ, что я не объявлю вашего имени, и во весь мой вѣкъ награждать буду откровенность вашу. Но приходите скоро опять сюда.

СИГИЗМУНДЪ.

Тотъ часъ, какъ скоро гнѣвъ вашъ утолится.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЮЛІЯ, ДАМИСЪ.

ЮЛІЯ. (*не видитъ въ жару, что онъ идетъ*).

Въ то самое время, когда даетъ онъ мнѣ сильнѣйшія увѣренія въ любви, становится невѣрнымъ..? А я, я еще ево терплю? конечно я обворожена?

ДАМИСЪ.

Развѣ вы меня не видите любезная моя? съ кѣмъ вы говорите?

ЮЛІЯ.

Съ обманщикомъ, котораго бъ я любила, если бъ меньше объ немъ знала. (*тише*) можно ли тебѣ было меня обманывать? ту, которая уже мысленно всѣмъ другимъ тебя предпочитала? для чево столь сурово тебѣ по-

поступать, и въ то меня вводить, отъ чего я омерзѣніе чувствую? но чтобъ тебѣ доказать, какое ты обманулъ сердце, то я тебѣ сказываю, что я никогда злобствовать на тебя не буду, а больше стараться стану скрывать только на сердцѣ моемъ порокъ твой.

ДАМИСЪ.

Я несчастный! развѣ заслуживаю имя обманщика? я нимало себя не извиняю, сударыня. Я по совѣсти моей увѣряю васъ, что сердце мое нимало обману не причастно. Я и знать при томъ не желаю, кто подалъ вамъ такое худое обо мнѣ мнѣніе. Время оправдитъ меня предъ вами.

ЮЛІЯ.

И вы еще таки съ великою гордостью говорите.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТѢЖЪ ШАРЛОТТА.

ДАМИСЪ. (*Шарлоттѣ*).

Подите, моя любезная, и начинайте меня ненавидѣть. Сказываютъ, что я Юлию мою обманулъ.

ШАРЛОТТА.

Что, никакъ вы уже немношко побранились? конечно при первомъ поцѣлуѣ.

ДАМИСЪ. (*Юліи*).

Жалуйтесь на меня сестрицѣ вашей. Скажите ей о моей невѣрности.

ЮЛІЯ.

Можетъ быть ето не много пособитъ.

ШАРЛОТТА.

Ахъ Юлія, еслибъ покойная тѣтушка знала, что ты въ самой день твоево сговора съ женихомъ своимъ побранишся, такъ бы она тебѣ ни синяго пороху не отказала. Я навѣрно знаю, что ссора не долго продолжится. Сердце твое отъ природы миролюбиво, хотя любовь нѣсколько и сварлива.

ЮЛІЯ.

Пожалуй не шути.

ШАРЛОТТА. (*Дамису*).

Посмотрите ка хорошенько на свою любезную невѣсту. Если вы ее однимъ поцѣлуемъ разсердили; такъ бы я совѣтовала вамъ умилостивить ее двумя. Говори по крайней мѣрѣ со мною сестрица, если господинъ Дамисъ етова не заслуживаетъ. Или когда онъ тебя обидилъ поцѣлуемъ: такъ пускай онъ отдастъ тебѣ ево обратно, и тѣмъ ссора ваша прекратится. Что ето между вами за вздоръ?

ЮЛІЯ.

Что за вздоръ между нами? Етова я при тебѣ не скажу. Я со всѣмъ не думаю, чтобъ ты къ етому подала случай. И виновенъ ли онъ въ томъ, что ты любезнѣе меня? проступокъ ево простителенъ. Онъ бы тебя не любилъ, еслибъ не находилъ въ тебѣ большихъ къ тому достоинствъ. Я сама ево извиняю.

ШАРЛОТТА.

Такъ я твоею соперницею стала? любезная сестрица! мнѣ право тебя жаль. Я открою тебѣ всю тайну. Не господинъ ли Сигизмундъ причиною обвиненій твоего жениха? Я легко ето вообразить могу. Онъ притворялся влюбленнымъ въ тебя, для тово, чтобъ узнать, любишъ ли ты Дамиса, такъ онъ употребилъ хитрость, и увѣрилъ тебя, будто г. Дамисъ любитъ меня. Прости ему ету вину. Онъ гораздо удачно сыгралъ свою ролю.

ЮЛІЯ.

Да, онъ весьма удачно сыгралъ, но . . .

ДАМИСЪ. (*Юліи*).

Видите ли, каковъ обманъ въ сердцѣ моемъ? Юлія. Но . .

ДАМИСЪ.

Вы еще мнѣ не вѣрите? какъ же мало вы меня знаете!

ЮЛІЯ.

Я? сударь . . .

ДАМИСЪ.

Едакая то награда за любовь мою?

ЮЛІЯ.

Награда? развѣ вы на меня гнѣваетесь? сталабъ ли я ревновать, еслибъ я не . . . такъ вы не обманывали меня? вѣрно такъ, все сердце мое за васъ говорило.

ШАРЛОТТА.

А, а, попалась, сестрица. Я примѣчаю, что ты уже каишся о томъ, что непросила еще прощенія у своего возлюбленнаго въ томъ, что на него сердилась Я ето вмѣсто тебя сдѣлаю (*Дамису*). Государь мой, пожалуйте извините Юлію, что она нѣжнѣе васъ любила, нежели какъ вы думали.

ЮЛІЯ.

Никакъ, когда я такую ошибку сдѣлала: такъ я васъ въ томъ не виню.

ДАМИСЪ.

Да однакожъ вы меня любите?

ЮЛІЯ.

Такъ, сударь, теперь я подлинно знаю, что я васъ люблю. Я въ состояніи признаніе мое повторить теперь предъ моимъ батюшкою, и господиномъ Симономъ, если желаніи ихъ тѣмъ удовольствованы будутъ.

ДА-

ДАМИСЪ.

Я весьма счастливъ, моя любезная!

ЮЛІЯ.

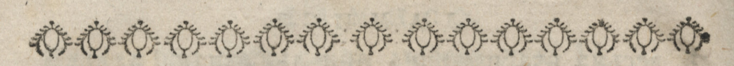
Еслибъ я не имѣла еще вашего сердца? такъ бы я теперь сама васъ объ немъ просила, столь я васъ почитаю.

ДАМИСЪ.

Любезнѣйшая Юлїя! Я . . . только я никакихъ довольно пристойныхъ для васъ словъ не нахожу. Вотъ все, что я въ восхищенїи отвѣчать вамъ могу.

ШАРЛОТТА.

Любезная сестрица (*обнимаетъ ее*). Да будетъ любовь твоя вѣчно счастлива! будь мнѣ примѣромъ нѣжности и удовольствїя. (*Дамису*) А вамъ господинъ Дамисъ, желаю столько благополучїя, сколько сестрицу счастливою видѣть хочу. Будьте приятелемъ моему другу, и помогайте спокойствїю нашему, вашею искренностїю . . . Пожалуйте сюда, пойдемъ къ нашему батюшкѣ. Сколь обрадуется бѣдной старикъ, когда услышитъ намѣренїе Юлїи! А вотъ идетъ господинъ Симонъ. Подите, я хочу етова честнова человѣка, которой принесъ мнѣ севодни радостное письмо, прежде увѣдомить о взаимной вашей любви. (*Юлїя и Дамисъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ШАРЛОТТА, СИМОНЪ.

СИМОНЪ.

Имѣю честь вручить вамъ копію съ духовной. Я самъ ее принесъ. Не изволитель потрудиться сту статью прочесть? (*подаетъ ей копію*).

ШАРЛОТТА (*читаетъ*.

Такъ? Я наслѣдницею вотчинъ? Я?

СИМОНЪ.

Такъ, вы сударыня, а не сестрица ваша. Господинъ надворной совѣтникъ, которой перьвой объ етомъ меня увѣдомилъ, либо ошибся, либо съ умыслу сдѣлалъ не большое ето замѣшательство, чтобъ крестницу свою тѣмъ больше обрадовать. Довольно того, теперь извѣстно, что вы наслѣдницею вотчинъ, и никто не можетъ вамъ столь искренно желать сего благополучія, какъ я. Вы еще гораздо больше достойны.

ШАРЛОТТА.

Печальное счастіе! не приведетъ ли оно въ смущеніе сестрицу мою? не будетъ ли г. Дамисъ . . . ?

СИ-

СИМОНЪ.

Вы гораздо довольнѣе были тогда, когда я принесъ вамъ перьвое и несправедливое извѣстіе, прочтите только далѣе. Вы наслѣдница вотчинъ, но вамъ надлежитъ сестрицѣ вашей Юліи дать десять тысячь рублей, какъ скоро она замужъ выходить будетъ.

ШАРЛОТТА.

Теперь я довольна. Ей надлежитъ еще больше десяти тысячь рублей получить, если она о потерѣ сей сожалѣть не будетъ. Какія же движенія почувствую я въ душѣ моей! и что почувствую я тогда, когда увижу, что господина Сигизмунда приведетъ въ восхищеніе радость моего благополучія? какъ же онъ изумится! О Боже, сколь я счастлива! если сестрица моя не будетъ только симъ опечалена.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢЖЪ, СИГИЗМУНДЪ.

СИГИЗМУНДЪ.

На конецъ, какъ я теперь слышалъ, Юлія согласилась? Ежели ето справедливо, такъ я етому очень радъ.

ШАРЛОТТА. (*Симону*).

Такъ, сударь, она уже изъяснилась по желанію господина Дамиса, и будетъ имѣть

честь просить васъ о такомъ женихѣ, которой подъ опекою вашею сталъ столько любезенъ. Но любезной другъ, вотъ копія съ духовной. Не смущаетъ ли васъ сколько нибудь то, что тѣтушка обоихъ насъ позабыла?

СИГИЗМУНДЪ.

Никакъ, ето ни мало меня не тревожитъ, вы дороже мнѣ богатой духовной.

ШАРЛОТТА.

А когда Юлія будетъ намъ что ниесть изъ ея наслѣдства давать, такъ брать ли намъ?

СИГИЗМУНДЪ.

Поелику она больше уже не властна надъ своимъ сердцемъ, то и въ своемъ имѣніи воли имѣть не будетъ.

СИМОНЪ.

Никакъ государь мой, я васъ увѣряю, что воспитанникъ мой дастъ ей полную власть въ щедролюбіи и благодарности. Онъ полагаетъ богатство свое не въ изобиліи, но въ употребленіи ево. Онъ бы и тогда Юлію выбралъ, когдабъ она никакова наслѣдства не имѣла. И статься можетъ, что емубъ гораздо пріятнѣе было, еслибъ онъ въ состояніи былъ самъ собою совершить ея благополучіе. Я бы желалъ, чтобъ всѣ любовники столь благородны были, какъ онъ.

ШАРЛОТТА.

Слышители, господинъ Сигизмундъ, сколь зять нашъ великодушенъ?

СИГИЗМУНДЪ.

Тѣмъ большую честь дѣлаетъ онъ своему опекуну и намъ.

СИМОНЪ.

Да, я въ самомъ дѣлѣ крѣпко на ево надѣюсь. Онъ отъ десяти лѣтъ былъ въ моемъ домѣ, и даже по сей часъ богато награждалъ меня за мое объ немъ попеченіе, и столько удовольствія для меня показалъ, что я не вѣдаю, кто больше кѣмъ обязанъ.

ШАРЛОТТА.

Етой похвалы я ни кому не желаю, кромѣ жениха сестрицы моей. И еслибъ батюшка умеръ: такъ бы я отдалась въ вашу опеку для тово единственно, чтобъ такуюже заслужить себѣ похвалу. О какое увеселеніе обходиться съ великими сердцами! но господинъ Симонъ, Смѣю ли я въ присудствіи вашемъ принять смѣлость, къ которой любовь меня влечетъ и оправдаетъ? вы того достойны, чтобъ я дѣйствіи души моей открыла вамъ безъ всякаго притворства.

(*Подходитъ къ Сигизмунду, и обнимаетъ его*).

На конецъ другъ мой, я столь счастливою стала, что могу за вашу ко мнѣ приязнь и вѣрность

ность наградить васъ неожидаемою судьбою. Вы любили меня въ бѣдности. Провидѣніе наградило меня нынѣшней день наслѣдствомъ, котораго я похвальнѣе употребить не могу, какъ только отдать въ ваши руки. Я вѣдаю что вы мнѣ и добродѣтели сдѣлаете симъ угодность. Вотъ копія съ духовной, въ которой я объявлена наслѣдницею, вмѣсто того, что по мнѣнію нашему была сестрица моя. Однимъ словомъ, наслѣдтво ваше, а Юліи надлежитъ изъ сего дать десять тысячь рублей. Подумайте теперь, что вамъ со мною начать.

СИГИЗМУНДЪ.

Эти подарки ваши, безъ любви вашей ко мнѣ, весьма для меня равнодушны.

ШАРЛОТТА.

Тѣмъ больше вы сего достойны. Если къ благополучію вашему не достаетъ одной только любви моей: такъ вы ни когда счастливѣе сего быть не можете.

СИГИЗМУНДЪ.

Ахъ любезная моя, сколь я ужасаюсь! вы любовь и благополучіе всему предпочитаете. Для чево весь свѣтъ не подражаетъ вашему великодушію. Вы бы и подлѣйшимъ душамъ любезнѣйшею казались, и всѣхъ презрителей добродѣтели привелибъ до того, чтобъ они вамъ уподоблялись. Я вѣчно

судьбу

судьбу благодарю, что она мнѣ вами овладѣть опредѣлила. И я съ позволенія вашего пойду къ вашему батюшкѣ, чтобъ его теперь . . . -

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢЖЪ ; СЛУГА.

СЛУГА (*Шарлоттѣ*).

Вотъ писмо къ вамъ сударыня принесли съ почты.

ШАРЛОТТА.

Письмо съ почты?

СИГИЗМУНДЪ.

Да, я самъ видѣлъ письмоподавца въ залѣ сюда идучи.

ШАРЛОТТА.

Дозволите ли мнѣ, государи мои, разпечатать при васъ письмо?

СИМОНЪ.

А я между тѣмъ навѣщу моего любезнаго воспитанника.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ШАРЛОТТА, СИГИЗМУНДЪ.

ШАРЛОТТА. (*прочитавъ тихонько письмо*) Ахъ другъ мой! хотятъ воспрепятствовать моему благополучію. Меня возненавидѣли, въ прочемъ ничто бы достоинствѣ вашихъ не уменьшило. Едакая вредная насмѣшка! да мнѣ то пріятно, что я могу вамъ быть новымъ доказательствомъ дружбы моей и любви. Я прочту вамъ письмо. Оно только въ двухъ строкахъ, какъ вы видите.

(*читаетъ*).

„Не вѣрьте, сударыня жениху вашему, гос„подину Сигизмунду. Онъ обманщикъ. Н. Н.

СИГИЗМУНДЪ.

Что? я обманщикъ?

ШАРЛОТТА. (*беретъ его за руку*)

Я вѣдаю, что вы довольно великодушны, и можете терпѣливо снесть ненавистное ето слово. Ето для васъ похвала. Я желаю имѣть такого обманщика, каковъ вы любезный другъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Ктобъ ето такой въ нынѣшней день сдѣлалъ мнѣ едакую дурную насмѣшку? какъ? не самъ ли господинъ Симонъ? конечно онъ

васъ

васъ любитъ? не наслѣдство ли ваше возбудило въ немъ ненависть? Для чево онъ ушолъ, когда письмо получено. Развѣ етимъ онъ не подаетъ подозрѣнія? еслибъ онъ назвалъ меня самимъ глупцомъ, такъ бы я ево за ето униженіе поблагодарилъ; но что онъ похищаетъ у меня честь добросердечія, такъ ето горьчае для меня всякаго яду. Я?.?. Я, обманщикъ? небо, покажи, кто обманщикъ, я, или тотъ, кто ето письмо писалъ? благороднаго ли ето опекуна дѣло?

ШАРЛОТТА.

Пожалуйте успокойтесь. Не подозрѣвайте больше на господина опекуна. Статься не можетъ, чтобъ онъ едакую подлость сдѣлалъ. Характеръ его благородной. По чему можно знать, кто вашъ врагъ, которой севодни узналъ объ любви вашей и моемъ наслѣдствѣ.

СИГИЗМУНДЪ.

Вы еще таки ево извиняете? развѣ не слышали вы хитрыхъ его словъ: онъ желаетъ, чтобъ всѣ любовники столько благородны были, какъ воспитанникъ его! не стыдно ли ему етимъ меня укорять?

ШАРЛОТТА.

Я вамъ сказываю, что вы меня обижаете что еще имѣете на него подозрѣніе. Сколько я ево знаю, и сколько мнѣ сказывалъ

объ

объ немъ ево воспитанникъ , то онъ человѣкъ такой , которому жизнь свою, честь и все повѣрить можно.

СИГИЗМУНДЪ.

Но должно ли ему имѣть такія не позволительныя намѣренія? Я примѣтилъ, что онъ весьма примѣчалъ за всѣми вашими поступками и даже до послѣдняго слова. Да и еще есть одинъ признакъ. Онъ уже хвасталъ въ письмѣ къ вашему батюшкѣ , что получилъ онъ севодни отъ двора радостную вѣсть. И уже батюшкѣ открылъ , только мнѣ нѣтъ.

ШАРЛОТТА.

Я заклинаю васъ чистосердечіемъ вашимъ , не подозрѣвайте на сево человѣка.

СИГИЗМУНДЪ.

Для чего онъ мнѣ не сказалъ, что онъ получилъ отъ двора знатной чинъ и чрезвычайную пенсію? чево онъ больше ищетъ , какъ не несчастія моего ?

ШАРЛОТТА.

Я въ етомъ проступкѣ васъ прощаю, поелику онъ происходитъ отъ нѣжной вашей ко мнѣ любви. А безъ сего болѣебъ я словъ вашихъ не принимала. Окончимъ дѣло въ нашу пользу. Пусть враги ваши говорятъ , что хотятъ. Они довольно тѣмъ наказаны , что не знаютъ вашихъ достоинствъ. И мы ни чемъ столько имъ отмстить не можемъ, какъ тѣмъ, что

мы ни мало стараться не станемъ объ нихъ узнать. Оставьте вашъ гнѣвъ на семъ же мѣстѣ. Я къ вамъ тотъ часъ опять буду съ батюшкою и съ другими, чтобъ союзъ нашъ въ глазахъ неприятелей нашихъ сдѣлать безопаснымъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

СИГИЗМУНДЪ ОДИНЪ.

Едакая бѣда! но она дѣлаетъ меня еще отважнѣе. Юліи я лишился . . . однако Шарлотта и вотчины ея мнѣ достанутся . . . я не нарушилъ вѣрности. Никакъ! я только было хотѣлъ; но я столько въ етомъ благороденъ былъ, сколько обстоятельства мои дозволяли. Да гдѣ Шарлотта? развѣ она о невѣрности моей узнала? я постараюсь увѣрить ее въ моей любви.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЮЛІЯ, ДАМИСЪ.

ЮЛІЯ.

Да гдѣ Шарлотта? развѣ она уже о невѣрности моей узнала? я постараюсь увѣрить ее въ моей любви. Едакой злодѣй! слышали ли вы

его признаніе? намъ хотѣлось посмотрѣть, каковобъ онъ велъ себя по етому письму. Лучшебъ никогда не знать намъ сего несчастнаго открытія! бѣдная сестрица! ты вступаешъ въ союзъ съ такимъ человѣкомъ, которой подъ видомъ чистосердечія злое скрываетъ сердце.

ДАМИСЪ.

Конечно такъ, ето ни къ чему годной приятель, какъ я вамъ сказывалъ. Онъ великой сдѣлалъ обманъ. Я просилъ ево подружески, чтобъ онъ нынѣшнимъ утромъ помогъ мнѣ склонить васъ ко мнѣ въ любовь. А онъ вмѣсто того просилъ вашего батюшку, чтобъ отложить сговоръ нашъ еще на недѣлю, и хочетъ ево увѣрить, будто вы ево любите. Такой то онъ мнѣ другъ; которому неоднократно предлагалъ я къ услугамъ мой домъ и мое имѣніе?

ЮЛІЯ.

Меня такъ же хотѣлъ онъ увѣрить, что вы больше склонности имѣете къ сестрицѣ моей, нежели ко мнѣ. Теперь я подлинно знаю, что ето не притворство было. А моя бѣдная сестрица все таки будетъ думать, что онъ хитрость ету сдѣлалъ отъ добраго сердца по ея желанію. Кто откроетъ ей ея заблужденіе? послушается ли она насъ? и хотябъ она сему повѣрила, но можемъ ли мы отвратить ее отъ такого несчастія? сколько я объ ней сожалѣю!

ДА-

ДАМИСЪ.

Ето правда. Однако надобно ей объ етомъ сказать, и если вы не скажете, такъ я ето сдѣлаю.

ЮЛІЯ.

Ахъ подумайте только объ несчастіи любезной сестрицы моей! пожалуйте молчите. можетъ быть . . . можетъ быть онъ не отъ природы такъ лукавъ, статься можетъ, что ево мое наслѣдство . . .

ДАМИСЪ.

Что бы то ни побудило ево къ невѣрности: однакъ я всегда менѣе ево извинить могу предъ тѣмъ, которой отъ голоду другихъ на улицахъ убиваетъ. Когда не могъ онъ хранить вѣрно и добродѣтельно великой нѣжности, прямой невинности, благороднѣйшей дружбы сестрицы вашей; такъ ему теперь легко и то сдѣлать, чтобъ для корысти своей отнять жизнь у своего ближняго.

ЮЛІЯ.

Но ахъ, бѣдная сестрица . . не сказывайте ей. Я ужасаюсь . . .

ДАМИСЪ.

Вы всево мнѣ на свѣтѣ дороже, моя любезная. Но я сказываю вамъ, что я охотнѣе потеряю мое имѣніе, честь мою и васъ самихъ лишуся, нежели допущу Шарлотту вытти за едакова бездѣльника. Я пойду и раскажу ей все, хотя ето ее и опечалитъ

чалитъ. Я попрошу моего опекуна, чтобъ онъ написалъ къ ней письмецо, и приказалъ бы отнести на почту. Вашъ батюшка и Магистеръ почитали прежде Сигизмунда простымъ человѣкомъ, а послѣ сами же примѣтили коварныя ево намѣренія, и вашъ батюшка сказалъ объ етомъ моему опекуну. А онъ ненавидитъ и проникаетъ въ самые малѣйшіе обманы.

ЮЛІЯ.

Развѣ ево въ етомъ никакъ извинить не можно?

ДАМИСЪ.

Никакъ, сударыня. Намъ уже все извѣстно. Онъ обманщикъ. (*съ огорченіемъ*) Я въ жизни моей ни одной еще твари не умертвилъ: а онъ, еслибъ удалось ему притворствами своими сдѣлать Шарлотту несчастливою, съ радостію бы на тотъ свѣтъ ее отправилъ. Что? развѣ намъ должно ненавистнѣйшимъ обманомъ лишать женщинъ того благополучія, которое по добродѣтели нашей почитать бы намъ надлежало?

ЮЛІЯ.

Да чтожъ сестрицѣ моей начать съ такимъ невѣрнымъ?

ДАМИСЪ.

Она должна наказать ево презрѣніемъ. Довесть до того, чтобъ онъ почувствовалъ, что значитъ обманывать благородное сердце.

ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Но еслибъ сестрица моя захотѣла его простить, не великодушнобъ ли было?

ДАМИСЪ.

Ей не надобно ево изгонять. Она можетъ всѣ побужденіи къ отмщенію истребить, и вѣчно отъ него избавиться. Онъ извергъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢЖЪ, СИМОНЪ.

СИМОНЪ

Я терплю великое мученіе. Жаль что намѣреніи наши не сходствуютъ съ письмомъ. Она тѣмъ больше ево любитъ, чѣмъ больше почитаетъ ево безвиннымъ. Принуждаетъ батюшку своего, чтобъ спѣшилъ сдѣлать сговоръ. А етотъ сердечной старикъ, любя дочь свою, забываетъ статься можетъ въ такой любви предосторожность и мои напоминаніи. Если никто не отважится сему воспрепятствовать, такъ я ето сдѣлаю.

ДАМИСЪ.

Да и я такъ же скажу.

ЮЛІЯ.

Еслибъ сестрица пришла. Я бы хотѣла ... Но она несказанно ево любитъ. Каково сер-

цу ея будетъ, когда она вдругъ съ нимъ растанется?

СИМОНЪ.

Ей гораздо чувствительно будетъ. Она любитъ ево больше, нежели любить можно Но она для того такъ ево любитъ, поелику достойнымъ сей любви ево почитаетъ. А какъ скоро ошибку свою увидитъ, такъ тотъ часъ востанетъ противъ любви ея разумъ, ощущеніе, добродѣтели, и омерзѣніе къ невѣрности, и любовь ея обратится въ ненависть. Намъ всѣмъ троимъ надобно поговорить еще съ нею и съ батюшкою, покамѣстъ онъ обманами своими не привелъ еще ее къ точному намѣренію.

ЮЛІЯ.

О еслибъ только могла я, любезная сестрица! сѣтованіемъ моимъ раздѣлить съ тобою твое несчастіе! сколь мнѣ прискорбенъ будетъ конецъ нынѣшняго дня!

СИМОНЪ.

Не печальтесь о потерѣ такаго человѣка. Шарлотта безъ нево будетъ счастлива, а когда за нимъ будетъ, то все благополучіе свое потеряетъ Пожалуйте постарайтесь, господинъ Дамисъ какъ ниесть Шарлотту на одну минуту отъ нево отозвать, и сюда привести.

ДАМИСЪ.

Очень хорошо, ето послѣднее средство.

СИ-

СИМОНЪ. (*Дамису*).

Еще словцо хочу я вамъ сказать. Читали ли вы уже копію съ духовной? Я теперь съ собою ее принесъ.

ДАМИСЪ.

Никакъ, сударь.

СИМОНЪ.

Вы такъ же, не читали сударыня? такъ вы и не вѣдаете, что перьвая вѣсть была несправедлива. Не испужайтесь, сударыня, вить не вы наслѣдница вотчинъ.

ЮЛІЯ.

Какъ? не я наслѣдница вотчинъ? такъ для чегожъ вы тщетною надеждою меня льстили? Ето прискорбно. Развѣ севодни все идетъ несчастливо? ахъ, господинъ Дамисъ, вы ничево не говорите? конечно я уже не невѣста ваша? конечно несчастіе начинается вмѣстѣ съ любовію? Я хотѣла было батюшку, и любезную сестрицу мою взять съ собою въ мои вотчины. Хотѣла было приказать очистить тамъ для нихъ наилучшія покои. Ахъ сударь, и какой я только радости не чувствовала, когда воображала себѣ, что я буду водить васъ за руку по полямъ и лугамъ . . . Такъ мнѣ ничево недосталось?

ДАМИСЪ.

Вамъ столько досталось, сколько я имѣю. Позабудьте о печальномъ наслѣдствѣ. У насъ все

будетъ. Мнѣ ето очень приятно, что не вамъ вотчины досталися. Статься можетъ люди подумалибъ, что я больше на нихъ польстился, нежели на самихъ васъ. А теперь тово думать не станутъ. Будутъ тебя, любезная моя, почитать для тѣхъ причинъ, для которыхъ я тебя почитаю и выбираю. Поведите ка меня за руку во кругъ всего моего дому, онъ будетъ твоя вотчина. Прежде я спокоенъ быть не могу. Покамѣстъ Шарлотту не выручу изъ етова бѣдствія!

СИМОНЪ,

Шарлотта наслѣдницею вотчинъ.

ЮЛІЯ.

Сестрица моя? моя сестрица? я бы могла ее ненавидѣть; но сохрани меня Богъ. Нѣтъ, я всякаго ей добра желаю. (*Дамису*) Чего еще мнѣ больше желать, коли вы мною довольны! пусть ея счастїе передъ нею. Я всякаго благополучїя ей желаю.

ДАМИСЪ.

И меня тутъ же, моя любезная?

ЮЛІЯ.

Желаю ли я васъ имѣть сестрицѣ моей? никакъ сударь, въ семъ случаѣ я не столь добросердечна. Въ етомъ вить не какая добродѣтель, да . . . больше у меня не спрашивайте.

ДАМИСЪ,

Нѣтъ, я поищу Шарлотту. Нѣжность должна дружбѣ нѣсколько уступить.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЮЛІЯ, СИМОНЪ.

ЮЛІЯ.

Желаю ли я ево имѣть сестрицѣ моей? какъ можно ей етова отъ меня требовать? вить у нее есть вотчины. Я ее очень люблю; но когда должно мнѣ утвердить покой ея лишѣніемъ господина Дамиса: такъ требованіе ее съ лишкомъ велико. Етова мнѣ сдѣлать не льзя.

СИМОНЪ.

Не заботтеся. Она право сего не захочетъ при томъ я вамъ говорю, что по духовной должна она дать вамъ на свадьбу десять тысячь рублей.

ЮЛІЯ.

Все ето хорошо. Еслибъ только могла я на сіи деньги купить вѣрности для жениха сестрицы моей, съ какою бы охотою я ему ихъ дала! едакой злодѣй! не можетъ ли онъ быть причиною, что я лишусь господина Дамиса, когда онъ лишится Шарлотты? да для чево небо попускаетъ на такія злыя дѣла? моя ли въ томъ вина, что онъ ей невѣренъ? я совсѣмъ не виновата.

СИМОНЪ.

Воспитанникъ мой никогда не перестанетъ любить васъ. Положитесь на мое слово. Шар-

лотта жалка. Но лучше жить безъ любви, нежели несчастливо любить. Еслибъ она пришла!

ЮЛІЯ.

Но естьли она теперь придетъ? вить я спокойствію ея пособить не могу. Я люблю ее сердечно. Да для чего любви моей сострадать ея любови? никакъ, такова великодушія принять я на себя не могу, чтобъ изъ любви къ ней себя и . . . себя и ево позабыла. Еслибъ была она облагополучна! я весьма безпокоюсь. Онъ сказалъ, что онъ предпочитаетъ дружбу нѣжности. Чтобъ ето значило?

СИМОНЪ.

Не безпокойтесь. Вы будете за моимъ воспитанникомъ. Вы ево достойны. И когда впредь будете съ ево стороны пользоваться благополучіями любви: такъ приписывайте ето добродѣтели, что она жизнь нашу любовію и дружествомъ увеселяетъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, МАГИСТЕРЪ.

МАГИСТЕРЪ.

Г. Симонъ, мнѣ хочется нѣчто вамъ сказать. Когда я не съ лишкомъ ошибаюсь, такъ севодни сдѣлалъ я важное открытіе, какую власть имѣ-

имѣетъ богатство надъ человѣческими сердцами?

СИМОНЪ.

Я опасаюсь, не сълишкомъ ли мнѣ ето несчастливое открытїе извѣстно.

МАГИСТЕРЪ.

Я только теперь размышлялъ объ етомъ дѣлѣ въ моемъ учебномъ покоѣ.

ЮЛІЯ.

Да можетель вы подать намъ совѣтъ, какъ бы сему помочь? пожалуйте сдѣлайте такую милость, дядюшка сударь.

МАГИСТЕРЪ.

Сигизмунда надлежитъ исправлять наказанїемъ.

СИМОНЪ.

Онъ никакого не заслуживаетъ больше наказанїя, кромѣ одного только презрѣнїя.

МАГИСТЕРЪ.

Да какимъ бы образомъ исправить намъ его развратной нравъ.

СИМОНЪ.

Развѣ презрѣнїе не довольное средство къ исправленїю его сердца.

МАГИСТЕРЪ.

Сего я теперь доказывать не стану. Пожалуйте скажите мнѣ г. Симонъ, не справед-

ливо ли Стоики утверждаютъ, что одинъ только порокъ находится? или то, что гдѣ одинъ порокъ, то тамъ и всѣ другіе по силѣ ихъ присудствуютъ? посмотрите на Сигизмунда. Не самой ли онъ сущій примѣръ сего доказательства?

СИМОНЪ.

Да, ето правда, господинъ Магистеръ. Но какъ можемъ мы Шарлотту отвратить отъ любви? вить она намъ не повѣритъ, что онъ ей невѣренъ.

МАГИСТЕРЪ.

Добро, объ етомъ мы постараемся. Какой только удивительной между пороками союзъ, поелику отъ одного всегда и другіе рождаются. Сигизмундъ получивъ духовную, сдѣлался скрягою. Вотъ первой порокъ. Объ Юліи старается онъ для того, чтобъ получить ея богатство. Какое срамное корыстолюбіе! Шарлоттѣ онъ невѣренъ. Юлію такъ же невѣрною сдѣлать хочетъ. Опять новые два порока. Ему не льзя перваго своего порока произвести въ дѣйство, не сдѣлавшись обманщикомъ и измѣнникомъ. Такъ обманываетъ онъ своего друга, своего тестя, васъ, меня, и всѣхъ, измѣнивъ одинъ разъ добродѣтели. А для всѣхъ такихъ коварствъ надлежало ему быть лгуномъ и клеветникомъ. Да онъ такимъ и былъ. И какой только не одушевленной союзъ не господствуетъ между пороками? несправедливо ли Стоики сіе утверждаютъ?

СИ-

СИМОМЪ.

Кто объ етомъ сомнѣвается, господинъ Магистеръ. Я вѣрю, что вы лучше въ дѣло входите, нежели я и Юлїя. Вы весьма справедливо говорите, и очень учено. Вы первой открыли его невѣрность и мнѣ сказали, и мы по жизнь нашу будемъ васъ за то благодарить. Да скажитежъ теперь способъ, какъ бы отвратить Шарлотту отъ сего вѣроломца.

МАГИСТЕРЪ.

Объ етомъ я подумаю. Шарлотта съ лишкомъ была легкомысленна. Но етотъ случай ее научитъ, сколько есть причинъ, чтобъ не вѣрить сердцу человѣческому, не зная напередъ точно склонностей его. Я уже довольно изъ логики научился управлять разумомъ. Но и обузданїе воли не меньше знать нужно. Развѣ воля не такая же часть души, какъ разумъ? ибо какъ разумъ имѣетъ главныя причины, составляющїя его существо: такъ и воля имѣетъ такїя же причины. Если кто сїи знаетъ, тотъ знаетъ свое существо, и знаетъ средство къ исправленїю. Признайся любезная племянненка, не сто ли разъ твердилъ я тебѣ, что Сигизмундъ ничего основательно изъ философїи не знаетъ? и вотъ печальныя слѣдствїя его незнанїя.

ЮЛІЯ.

Любезный дядюшка, еслибъ печаль моя столькожъ чувствительна была вамъ, сколько

мнѣ, такъ бы вы объ етомъ меня теперь не спрашивали. Вы расказывали мнѣ северодни одну басню. Я бы желала, чтобъ вы вспомнили повѣсть о мальчикѣ, которой упалъ въ воду. Но вмѣсто того, чтобъ вамъ помочь намъ въ такой опасности, представляете вы самую ея великость. Непрогнѣвайтесь пожалуйте, что я говорю вамъ правду.

МАГИСТЕРЪ.

Я ни мало на васъ не сержусь. Къ озлобленїю принадлежитъ надлежащее проницанїе въ свойство его. А какъ вамъ сего недостаетъ; такъ хотя ваши рѣчи и кажутся озлобительными, но въ самомъ дѣлѣ такими почесть ихъ не льзя.

СИМОНЪ.

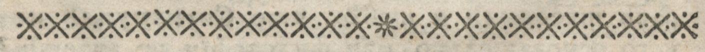
Но какъ же вы хотите въ етомъ дѣлѣ поступить?

МАГИСТЕРЪ.

Я хочу до сговору, Шарлоттѣ и брату моему на отрѣзъ сказать, что я не согласенъ: тогда дѣло пойдетъ другимъ порядкомъ.

СИМОНЪ.

Вы ето хорошо сдѣлаете.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ЮЛІЯ, СИМОНЪ.

ЮЛІЯ.

Я пойду за господиномъ Магистромъ. Какъ бы онъ не завелъ большой ссоры. Предупре-

предите Шарлотту, когда она придетъ, объ етомъ не удачномъ дѣлѣ. Я постараюсь, чтобъ Сигизмундъ не помѣшалъ ей въ ея разговорахъ; и когда будетъ время, то я съ моимъ женихомъ приду къ вамъ на помочь.

СИМОНЪ.

Я поступлю такъ, какъ честному человѣку должно. Хотябъ чрезъ сіе навлекъ я на себя великой гнѣвъ твоей сестрицы, и подлое ищеніе господина Сигизмунда: такъ лучше себя хочу позабыть, нежели доброе намѣреніе.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

СИМОНЪ, ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА.

Что изволите? не хотитель напомнить мнѣ о десяти тысячахъ рублей, которые мнѣ сестрицѣ дать надлежитъ, изволте сказать. Я все сдѣлать готова.

СИМОНЪ.

О томъ въ другой разъ поговоримъ сударыня. Вѣрите ли мнѣ, что я о благополучіи вашемъ радуюсь, и что я честной человѣкъ? сколь оба сіи вопросы ни неучтивы, однако я долженъ оные вамъ сдѣлать, по тому что я впрочемъ

чемъ опасаюсь, что вы не выслушаете моего предложенія.

ШАРЛОТТА.

Что къ вашимъ услугамъ, сударь? скажите пожалуйте. Я вамъ говорю, что я столько же вамъ послушна, сколько батюшкѣ моему покорна. Я весьма васъ благодарить буду, если вы мнѣ подадите какой ниесть случай доказать вамъ прямымъ дѣломъ мое почтеніе. Я не меньше увѣрена объ вашей откровенности, какъ и жениха моего. Не ужъ ли вы еще не отваживаетесь со мною откровенно говорить?

СИМОНЪ.

Моя прозьба служитъ во вредъ вашего жениха.

ШАРЛОТТА.

Конечно воспитанникъ вашъ добирается до вотчинъ, поелику они гораздо привольны къ городу. Теперь я догадываюсь, для чего онъ сдѣлалъ господину Сигизмунду небольшую досаду. для чего мнѣ тотъ часъ не сказалъ? онъ вотчины можетъ получить и не больше за нихъ заплатитъ, сколько вы за благоразсудите. Пойдемъ къ нимъ. Я намѣрена по причинѣ хитраго письма, которое я предъ симъ получила, при васъ г. Сигизмунду безъ дальной отсрочки дать власть надъ моимъ сердцемъ и врагамъ его показать, что я прямо чистосердечно ево люблю.

СИ-

СИМОНЪ.

Но ето хитрое письмо пособлялъ я писать и на почту снести.

ШАРЛОТТА.

Я бы скорѣе повѣрила, что батюшка мой, которой столько меня любитъ, писалъ ето письмо. А вы конечно шутите.

СИМОНЪ.

Ни какъ сударыня, я ни когда такой шутки не сдѣлаю, которую почтеніе мое къ вамъ дѣлать мнѣ запрещаетъ. Бойтеся меня и ненавидте. Я вамъ повторяю, что женихъ вашъ не отъ искренняго сердца съ вами обходится.

ШАРЛОТТА.

Конечно вы хотите извѣдать мою вѣрность, и меня испужать, зная то, что я испужаться не могу.

СИМОНЪ.

Вы думаете, что я шучу? такъ я скажу вамъ явственнѣе. Женихъ вашъ обманщикъ.

ШАРЛОТТА (*съ огорченіемъ*).

Ето съ лишкомъ много сударь. Знаетель, что я за вѣрность жениха моего стану, и что вы въ немъ меня обижаете? Хотябъ онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ измѣнилъ, однако я не меньше презираю наговорщика, какъ и самаго измѣнника. Но я уже и вправду сержуся. Нѣтъ, сударь, вить я знаю

ваше великодушіе, вы всё шутите. Хоть побожиться.

СИМОНЪ.

Хоть побожиться, такъ я говорю вправду. Онъ тово не стоитъ, чтобъ вы хоть одну минуту еще ево любили.

ШАРЛАТТА.

А я вѣчно любить ево стану.

СИМОНЪ.

Такъ вы ево не знаете.

ШАРЛОТТА.

Лучше, нежели вы, сударь.

СИМОНЪ.

Ваша природная склонность къ добросердечїю, и ваша къ нему довѣренность заставляетъ васъ почитать ево искреннимъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ не таковъ.

ШАРЛОТТА.

Не заставляйте меня сударь поссориться съ вами. Я почитала васъ и жениха моего за искреннихъ. Пускай я обманулась. Но ково мнѣ прежде возненавидѣть? Если вамъ хотя нѣсколько моя дружба надобна; такъ молчите. Вы великую во мнѣ перемѣну производите. Хотя вы для меня и моего дому много дѣлали добра; однако тѣмъ вы не доставили себѣ права,

ва, чтобъ поступать со мною въ пользу собственной вашей корысти. Непристойнѣебъ ли вашему характеру было содержать меня въ добродѣтели, нежели доводить до подлости? для чегобъ вамъ объ етомъ мнѣ севодни сказывать?

СИМОНЪ.

По тому, что я только севодни точно объ етомъ провѣдалъ. Коли вы мнѣ не вѣрите; то повѣрьте по крайней мѣрѣ сестрицѣ вашей и моему воспитаннику.

ШАРЛОТТА.

Едакая бѣда. Развѣ вы ихъ такъ же на свою склонили сторону?

СИМОНЪ.

Конечно, они держатъ мою сторону, такъ же и батюшка вашъ. И я прежде вдамся въ величайшую опасность, нежели соглашусь, чтобъ вышли вы за едакова подлеца. Вы противъ ево съ лишкомъ благородны и достойны любви.

ШАРЛОТТА.

Конечно вы сами сердце ваше отдать мнѣ желаете? развѣ должно для тово почитать ево обманщикомъ, что я глазамъ вашимъ столь любезна. И вы думаете такимъ образомъ плѣнить благородное сердце? теперь должна я либо презрить добродѣтель, или васъ возненавидѣть. Скоро уже глаза мои глядѣть на васъ не станутъ.

СИМОНЪ.

Укоряйте меня сколько хотите. Величайшія обвиненія, которыми вы меня обремѣняете, неинако почитаю я, какъ доказательствомъ искренности вашего сердца. Мнѣніе ваше, въ которомъ вы утверждаетеся, оправдаетъ всѣ оныя. И я бы можетъ быть васъ возненавидѣлъ, еслибъ вы увѣдомленіе мое благосклоннѣе принимали. Довольно того, что . . .

ШАРЛОТТА.

Ето новая выдумка. Государь мой, ваша хитрость, ежели она въ васъ есть, да я такъ, таки и думаю, да обратится во вредъ вамъ! какъ? тотъ, котороа я люблю не меньше самой себя? . . вы хотите быть на ево мѣстѣ? возможноль сему статься?

СИМОНЪ.

Ето несносная для меня укоризна. Однако я на ето не смотрю. Правда, что я васъ чрезмѣрно почитаю; но я имѣю безопасной способъ къ отнятію у васъ сихъ ужасныхъ мыслей о моей подлости. Я даю вамъ мое слово, что нога моя въ домѣ вашемъ не будетъ, покамѣстъ я живъ буду. И ежели я открытіемъ онымъ ищу любови вашей; такъ накажи меня небо наижесточайше. По такой клятвѣ стыжусь уже я больше гаворить (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ШАРЛОТТА ОДНА.

О небо! что я слышу? . . . онъ мнѣ невѣренъ . . . ни какъ! нѣтъ? развѣ опекунъ обманщикъ, а не онъ . . ты честное сердце! ты, другъ мой, хотятъ меня съ тобою разлучить? для чево онъ не докажетъ мнѣ невѣрности твоей?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСНАДЦАТОЕ.

ШАРЛОТТА, ДАМИСЪ.

ШАРЛОТТА.

Подите ко мнѣ на помощъ. Хотя всѣ ищутъ моего несчастія, однако я на ваше великодушіе надѣюсь. Что дѣлается съ моимъ женихомъ? скажите мнѣ откровенно.

ДАМИСЪ.

Онъ вамъ невѣренъ.

ШАРЛОТТА.

И вы уже стали моимъ неприятелемъ? ежели женихъ мой васъ озлобилъ, такъ по крайней мѣрѣ имѣйте столько великодушія, не объявляйте мнѣ того мщенія, которымъ вы мстить ему желаете.

ДАМИСЪ.

Я столько великодушенъ, что ни мало объ отмщеніи помыслить не могу.

ШАРЛОТТА.

Но по малодушію вашему легко благодарность забываете, не довольно ли великую услугу показалъ вамъ севодни возлюбленный мой?

ДАМИСЪ.

Желалъ бы я лучше, чтобъ онъ мнѣ такой услуги не оказывалъ: такъ бы вы были счастливѣе, и его невѣрность былабъ сокровенна.

ШАРЛОТТА.

Обманщикъ! измѣнникъ! можноли такими именами назвать моего друга, котораго я уже года два знаю и люблю?

ДАМИСЪ.

Еслибъ я менѣе любилъ откровенность, такъ бы съ большею умѣренностію говорилъ я предъ вами. Но по усердію моему къ вамъ не могу инако назвать жениха вашего. Вы, любезная моя, достойны за ваше сердце обожаемы быть, а тотъ, которой при вашей нѣжности, и очевидныхъ доказательствахъ откровеннѣйшей любви вашей еще невѣрно поступаетъ, есть презрительная душа.

ШАРЛОТТА.

Презрительная душа? изрядно; докажите мнѣ теперь (*жесточае*). Однако ни вашъ опекунъ, ни вы, ни сестрица, ниже самъ батюшка не отвратите любви моей къ нему. И я никакого доказательства не принимаю, кромѣ собственнаго его признанія. Я столь крѣпко о добродѣтели его увѣрена, что смѣло надѣятъся могу, что онъ никогда не станетъ помышлять о невѣрности, не сказавъ прежде мнѣ объ ней. Я бы за совѣстную ево нѣжность больше еще ево любила, еслибъ только болѣе любить можно было.

ДАМИСЪ.

Я вамъ сказываю, если вы мнѣ не вѣрите: то я сердце невѣсты моей вручаю вамъ обратно. Передъ вами я виноватъ; но я тово не желаю, чтобъ пользуясь великимъ вашимъ благодѣяніемъ, видѣлъ я васъ въ неблагополучіи.

ШАРЛОТТА.

Конечно вы почитаете меня непостоянною, когда думаете, что я по однимъ такимъ обвиненіямъ въ любви заблуждаюся. Вы ли, или я имѣли удобнѣйшіи случай знать сердце моего жениха? если ваша правда, такъ для чевожъ вамъ за глаза его упрекать? позовите ево сюда. Тогда скажите мнѣ ево преступленія. Онъ благороднѣе всѣхъ насъ. И теперь я прямо любить ево стану.

ДАМИСЪ.

Вы справедливо говорите. Я самъ ево поищу.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ШАРЛОТТА, ЮЛІЯ.

ШАРЛОТТА.

Онъ идетъ? онъ осмѣливается ево кликать? теперь сердце у меня дрожать начинаетъ (*глядитъ на Юлію*) *жалосно*) сестрица, и ты здѣсь? любишъ ли ты еще меня (*обнимаетъ ее*) не ужъ ли и ты скажешъ мнѣ печальную вѣсть? о нѣтъ! что же ты молчишъ? для чево онъ самъ нейдетъ?

ЮЛІЯ.

Пожалуй, сестрица, перестань ево любить, онъ . . .

ШАРЛОТТА.

Пускай онъ виноватъ? но не ужъ ли онъ притомъ и любви моей недостоинъ? никакъ, любезная сестрица, ахъ нѣтъ, ево поистиннѣ извинить можно. Развѣ ты ни мало оправдать ево не хочешъ? или ты уже позабыла то, сколько онъ помогъ севодни твоему спокойствію. Для чевобъ ему быть мнѣ невѣрнымъ? Я имѣю теперь хорошей достатокъ? Для чево онъ тогда былъ мнѣ вѣренъ, когда я ничево еще не имѣла?

ЮЛІЯ.

Онъ и тогда былъ таковъ, когда воображалъ, что я наслѣдницею вотчинъ. Ахъ, любезная сестрица, сколь бы я себя почла

счаст-

счастливою , еслибъ ты не была имъ обманута.

ШАРЛОТТА.

Такъ ето подлинно справедливо? (*громко*) никакъ! етому я не вѣрю.

ЮЛІЯ.

Я долго сама съ собою спорила. Я ево въ сердцѣ моемъ извиняла предъ моимъ женихомъ, предъ его опекуномъ и предъ нашимъ батюшкою. Я бы всѣхъ ихъ, по любви къ тебѣ, почла ложными свидѣтелями. Но никакъ нельзя. Онъ самъ себя на етомъ мѣстѣ обвинялъ, когда ты, получивши письмо, ево оставила. Онъ былъ одинъ. Безпокойствіе и преступленіе его говорили въ немъ. Онъ не слышалъ, какъ я къ нему вошла. О лучшебъ онъ вѣчно молчалъ!.. ахъ любезная сестрица!

ШАРЛОТТА.

Что ето я отъ тебя слышу, сестрица? онъ самъ себя обвинялъ? онъ мнѣ измѣнилъ? какъ бы могла я еще ево любить, еслибъ онъ былъ мнѣ невѣренъ? нѣтъ, я ево люблю, и онъ меня точно любитъ. Витъ я подала ему самыя сильнѣйшія доказательства искреннѣйшей моей къ нему склонности.. (*разгорячась*) да что вы мучите меня такимъ ужаснымъ нодозрѣніемъ? что онъ такое сдѣлалъ? онъ не сдѣлалъ ничево.

ЮЛІЯ.

Онъ обманами своими хотѣлъ было отвлечь меня отъ любви къ моему жениху, и хотѣлъ

быть самъ на ево мѣстѣ. Хотѣлъ такъ же увѣрить батюшку, будто я ево люблю, и будто вы, сестрица, любите г. Дамиса . . . онъ совѣтовалъ ему отсрочить еще сговоръ на недѣлю времени. Онъ сватался за меня.

ШАРЛОТТА.

Какъ ? развѣ не просилъ онъ меня почти теперь же о моемъ сердцѣ ? вы ево и меня ненавидите.

ЮЛІЯ.

Да , онъ просилъ тебя, когда увидѣлъ , что духовная на тебя написана.

ШАРЛОТТА.

Такъ сердце ево больше лежитъ къ духовной нежели ко мнѣ ! Ахъ, я обманулась ! только не зачто ево проклинать. Я хочу сама отъ нево слышить. Вить и самые благороднѣйшіе сердца не безъ пороковъ , въ которыхъ однако скоро раскаяваются (*жалостно*) любезная сестрица , развѣ недостоинъ онъ никакого прощенія ? извини ево пожалуй. Я за нево не выду. Я къ мученію моему стану ево убѣгать. Отдамъ ему все наслѣдство, когда только тѣмъ веселиться буду , что онъ имѣетъ честное сердце. О любовь ! такова ли награда за вѣрность ?

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, СИГИЗМУНДЪ.

СИГИЗМУНДЪ.

Будулъ я теперь столько счистливъ, чтобъ вы дали мнѣ свое слово? батюшка вашъ на то согласенъ. Вить вы меня любите, великодушная красавица.

ШАРЛОТТА.

И вы также меня любите?

СИГИЗМУНДЪ.

Вамъ уже сердце мое гораздо давно извѣстно. И вы вѣдаете, что величайшее и любезнѣйшее желанїе мое преисполнено любви вашей.

ШАРЛОТТА.

Но . . . моя сестрица . . . чтоже вы робѣете?

СИГИЗМУНДЪ.

Я робѣю, что вы не вспомните о томъ, что сами требовали отъ меня сей хитрости. Развѣ не вы заставляли меня, чтобъ я притворною любовїю узналъ сердце Юлїи? извините меня, любезная моя Юлїя.

ЮЛІЯ.

Я васъ, сударь, извинить не могу. Подумайте, что вы говорили мнѣ и моему батюш-

тюшкѣ, и не давно здѣсь въ етомъ покоѣ сами съ собою разговаривали, не примѣтя меня. Больше я для васъ ни чево сдѣлать не могу, кромѣ, что попрошу сестрицу мою, простить васъ въ вашей невѣрности.

СИГИЗМУНДЪ.

Я невѣренъ? . . . Я? (*приходитъ въ замѣшательство*) Я искреннѣйшей душѣ невѣренъ? кто? Я сказалъ нѣчто вашему батюшкѣ? Что ето за ужасныя тайности? . . . Вы печально на меня смотрите, душа моя. Какъ? вы меня не любите? я васъ моими оправданіями увѣрить не могу? . . . вы не слушаете моихъ причинъ? . . . . не правъ ли я? . . кто таковы мои враги? . . Я ссылаюсь на мое сердце, на любовь, на небо . . . . Но простить меня, могъ бы быть знакъ подозрѣнія. . . . Ни какъ, душа моя, вы безъ клятвы мнѣ повѣрьте. Пусть я лишусь васъ, спокойствія моего и жизни моей, если я вамъ измѣнилъ. Еще таки вы мнѣ не вѣрите?

ЮЛІЯ.

Господинъ Сигизмундъ. Вы клянетесь?

ШАРЛОТТА (*плачучи*).

Онъ совсѣмъ не виноватъ,

СИГИЗМУНДЪ.

По справедливости я совсѣмъ не виноватъ. Я васъ люблю, обожаю и полагаю благополучіе

мое въ вашемъ удовольствіи. Если то увеличить вы желаете: такъ востановите опять ето, и оставте подозрѣніе, котораго я никому въ свѣтѣ простить не могу, кромѣ васъ. Воспользуюсь ли я тѣмъ благополучіемъ, чтобъ владѣть мнѣ вами такъ, какъ моею?

ШАРЛОТТА (*жалостно смотритъ на нево*)

Мною? . . . какъ своею? . . . Да!

ЮЛІЯ.

Сестрица?

ШАРЛОТТА.

Молчи. Господинъ Сигизмундъ, я хочу еще одно слово сказать батюшкѣ, тогда мы врагов нашихъ постыдимъ.

СИГИЗМУНДЪ.

Я тотчасъ ево поищу. Позвать ли съ нимъ и другихъ? Намъ должно такъ же наблюдать при томъ введенные обряды.

ШАРЛОТТА.

Конечно такъ, я переговорю только немножко съ батюшкою. Тогда извольте притти къ намъ съ другими вашими приятелями.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

ЮЛІЯ, ШАРЛОТТА, КЛЕОНЪ.

КЛЕОНЪ.

Ну, дѣти мои, когда васъ больше ни что не задерживаетъ, такъ бы мнѣ весьма пріятно было, еслибъ вы помѣнялися перстьнями, чтобъ намъ послѣ сидѣть за столомъ попарно. Такъ то Шарлотта, кто бы только севодни по утру подумать могъ, чтобъ тебѣ въ вечеру заснуть съ вотчинами! небо все благополучно учинило. Юлія выходитъ за богатаго и честнаго человѣка, поелику сама она бѣдна. А ты имѣя достатокъ, дѣлаешъ бѣднаго человѣка благополучнымъ. Весьма хорошо. Сигизмундъ твой благодарить тебя будетъ за твою вѣрность. Онъ словами своими всякаго сердце къ себѣ привлекаетъ. Честной человѣкъ! сколько разъ цѣловалъ онъ мнѣ руку! съ дѣтскимъ униженіемъ просилъ онъ моего позволенія.

ШАРЛОТТА.

Слава богу Теперь я опять прихожу въ чувство, любезный батюшка, такъ севодни господинъ Сигизмундъ сватался за мою сестрицу, етому я не вѣрю.

КЛЕОНЪ.

Онъ чуть чуть мнѣ объ етомъ намякалъ. Статься можетъ онъ думалъ, что господинъ Дамисъ влюбленъ въ тебя, да еще и то, что тебѣ можетъ быть лучше хотѣлось вытти за богатаго. Я было сперва нѣсколько на нево разсердился, но онъ меня опять уговорилъ. Витъ не долго погрѣшить, и когда придетъ въ себя, тогда опять опомнишься. Вотъ они всѣ идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, СИГИЗМУНДЪ, СИМОНЪ, ДАМИСЪ, МАГИСТЕРЪ.

КЛЕОНЪ.

На конецъ дождался я той радости, которой долгое время желалъ. Я васъ государи мои, не стану пространною рѣчью задерживать. Намѣреніе нашего собранія весьма вамъ извѣстно. Однимъ словомъ, мои любезныя дочери, я даю вамъ мое отцовское благословеніе и позволеніе (*видитъ что Шарлотта плачетъ*) Не плачь Шарлотта, въ прочемъ и меня сдѣлаешъ ты мягкосердымъ.

ШАРЛОТТА.

Мои слезы происходятъ отъ любви. Такъ я получила ваше позволеніе на мой выборъ; за то я съ дѣтскимъ уничиженіемъ васъ благодарю.

СИ-

СИМОНЪ. (*Шарлоттѣ*)

Но, сударыня! Вы хотите . . . . какъ?

ДАМИСЪ.

Ахъ, сударыня, я васъ прошу . . . .

ШАРЛОТТА.

Очемъ вы меня просите? хотитель, чтобъ я вамъ сама вручила Юлію? (*ведетъ ее къ нему*) вотъ она. Я установляю счастливѣйшую любовь. А вы, г. Сигизмундъ . . . .

СИГИЗМУНДЪ.

Я принимаю сердце ваше съ чувствительнѣйшею благодарностью, и даю вамъ эту руку . . . .

ШАРЛОТТА.

Недостойной! имѣніе мое могу я тебѣ подарить, а не мое сердце. Просите прощенія у моего батюшки, и у другихъ, которыхъ вы огорчили подлымъ вашимъ поступкомъ. Я васъ уже простила, не разсуждая, достойны ли вы сего прощенія. (*олекуну*) А вамъ, сударь, цѣлую руку за вашу искренность. Если я опять когда либо вознамѣрюсь къ любви, то вы первое право въ сердцѣ моемъ имѣть будете. (*Сигизмунду*) а вы будьте столько благосклонны, оставьте насъ безъ всякаго вашего оправданія.

СИГИЗМУНДЪ.

Весьма охотно (*уходитъ*) да будетъ проклята любовь.

ДА-

ДАМИСЪ.

Не любовь, да невѣрность. Вотъ ей награда.

ШАРЛОТТА. (*кричитъ еще ему въ слѣдъ*)

Вы завтре по моему распоряженїю столько денегъ получите, что впредь меньше уже имѣть будете причинъ, обманывать честное сердце.

КЛЕОНЪ.

Шарлотта, что ты ето дѣлаешъ? я во всемъ имъ доволенъ. Вить ты больше объ етомъ разсуждать можешъ, нежели я.

ЮЛІЯ.

О любезная сестрица сколь сердце твое велико! Богъ вѣдаетъ, что я никакой вины въ преступленїи ево не нахожу. О еслибъ я только видѣла тебя столько благополучною, сколько я счастлива!

МАГИСТЕРЪ.

Я полагаю себѣ за удовольствїе, что порокъ мною открытъ, а наказанъ самъ чрезъ себя. Таково то бываетъ, когда кто самъ съ собою не строго поступаетъ; таково то мстятъ намъ наши пороки за послабленїе, которое мы имъ даемъ.

СИМОНЪ. (*Шарлоттѣ*)

Я, приятельница моя, севоднибъ еще утвердилъ то право, которое вы мнѣ впредь даете надъ вашимъ сердцемъ, еслибъ не далъ вамъ уже слова, чтобъ никогда не помышлять

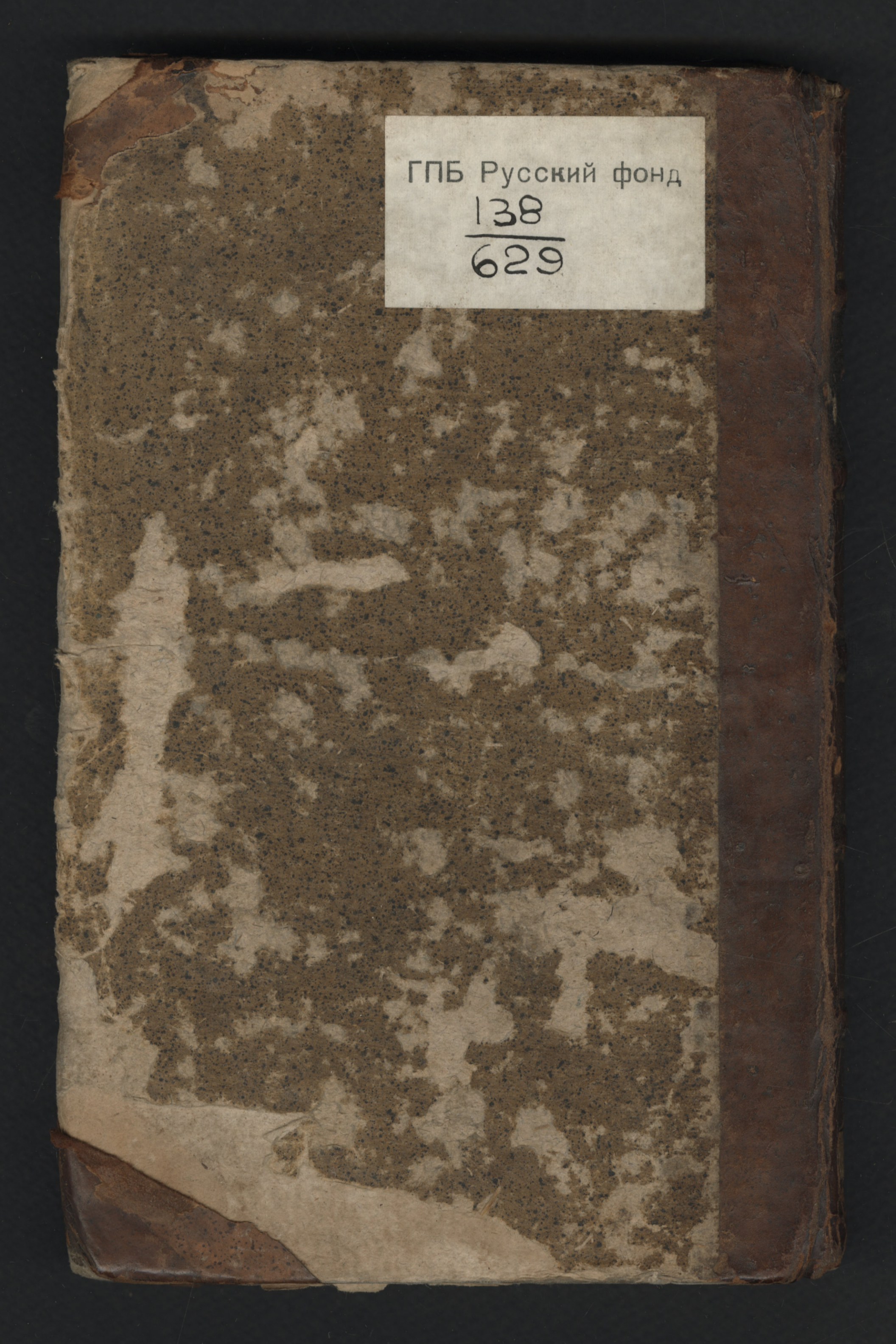
лять о семъ благополучіи. Я довольно награжденъ тѣмъ, что вы почитаете меня не недостойнымъ васъ, и что измѣнникъ наказанъ.

ШАРЛОТТА.

О небо! не накажи обманщика. Сколь постоянно я ево любила, и сколь чрезъ любовь неблагополучна стала! но не любовь, да глупость любовника сдѣлала меня несчастливою. Сожалѣйте обо мнѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ГПБ Русский фонд
138
629